

Андрей МУСАЛОВ

Таджикистан 1992–2005:

Война на забытой границе

Правдивая история России

Андрей Мусалов

**Таджикистан 1992–2005.
Война на забытой границе**

«Яуза»

2022

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

Мусалов А. Н.

Таджикистан 1992–2005. Война на забытой границе /
А. Н. Мусалов — «Яуза», 2022 — (Правдивая история России)

ISBN 978-5-00155-535-3

13 июля 1993 г. несколько групп таджикских и афганских боевиков общей численностью до 250 человек атаковали расположенную на стратегическом направлении 12-ю заставу Московского погранотряда. В этом вошедшем в легенду бою погибли 25 российских военнослужащих. Потери боевиков составили около 70 человек. Шестеро военнослужащих было удостоено звания героя России, четверо из них — посмертно. Тогда Россия узнала о войне, которая шла уже год... Гражданская война в Таджикистане стала одним из самых кровавых событий эпохи распада СССР. На ней погибли сотни российских солдат и офицеров, тысячи были ранены. Военнослужащих, воевавших в далекой среднеазиатской республике ради интересов своего государства, долгие десятилетия не признавали участниками боевых действий. Однако они с честью выполнили все поставленные задачи (в том числе — предотвратили распространение из Афганистана на территорию стран СНГ и в Европу тысяч тонн наркотиков), не дав сформироваться в Таджикистане фундаменталистскому режиму, сохранив светское государство, союзное России. **НОВАЯ КНИГА** от автора бестселлера «Хроники Даманского» предлагает читателю воспоминания ветеранов, которые находились на опаленном огнем войны таджикско-афганском рубеже. Большинство из них публикуется впервые. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-00155-535-3

© Мусалов А. Н., 2022

© Яуза, 2022

Содержание

От автора	7
Часть 1	10
Краснознаменный Среднеазиатский	12
Александр Камуля	13
Николай Троян	21
Андрей Сидоренко	24
Валерий Воронков	28
Николай Троян	29
Василий Масюк	31
Виктор Неробеев	33
Брошенный рубеж	39
Виталий Грицан	40
Василий Масюк	41
Сергей Степичев	44
Алексей Неробеев	48
Татьяна Михайлова	49
Александр Камуля	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Мусалов
Таджикистан 1992–2005:
Война на забытой границе

© Мусалов А.Н., 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

От автора

15 февраля 1989 года весь советский народ внимательно следил за новостями, шедшими по Центральному телевидению. Военный корреспондент информационной программы «Время» Михаил Лещинский рассказывал об окончании многолетней эпопеи пребывания в Демократической Республике Афганистан Ограниченного контингента советских войск. На экране «Рубина» мельтешили кадры с генералом Громовым, Термезским мостом, размахивающими букетами воинами-интернационалистами, счастливыми лицами встречавших их родственников.

Мой отец и его друг, участники той необъявленной войны, звучно чокнулись стопками с водкой:

– Ну, за мир! Чтобы не было больше никаких войн.

Я же, будучи тогда еще школьником и комсомольцем, был несколько разочарован – как же так? Не будет больше никаких войн? Как же мне и другим моим сверстникам испытать себя в будущем? Неужели нас ждет скучная и спокойная жизнь советских граждан, лишенная возможности преодолеть испытания и совершить что-то важное на благо социалистической Родины?

Минуло несколько лет. И вот уже я, будучи военным корреспондентом журнала «Пограничник», нахожусь на границе с Афганистаном, в Республике Таджикистан, где бушует новая война. Сидя на БТРе,двигающемся по ленте пыльного горного тракта, я окружен российскими пограничниками, внимательно вглядывающимися в склоны циклопической высоты окрестных гор. С обгоревшими от нестерпимого зноя лицами, в покрытых желто-коричневой пылью линялых камуфляжах, с автоматами, с которых давно слезла заводская краска, каждый из этих людей легко мог стать героем фильма или книги. Но о них почти никто не писал ни в России, ни в мире. Боевые действия, в которых они участвовали, затерялись на фоне множества вооруженных конфликтов, вспыхнувших после распада Советского Союза. Приднестровье, Абхазия, первая и вторая чеченские...

Автор (слева) книги в Республике Таджикистан.
1997 год

Сегодня события, происходившие в Таджикистане в 1990-е годы, для нынешних жителей России представляются чем-то очень далеким и второстепенным. Разве что некоторые из обывателей вспомнят что-то об обороне 12-й пограничной заставы, да, пожалуй, и все.

Между тем российские пограничники воевали на таджикско-афганском рубеже с момента распада Советского Союза с 1991 по 2005 год, когда они были выведены на территорию Российской Федерации. Также в боевых действиях принимали участие военнослужащие российской 201-й дивизии, Коллективных миротворческих сил ряда государств – участников СНГ из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана.

Автор книги с офицерами Московского пограничного отряда. 1997 год

В ходе событий в Республике Таджикистан сотни солдат и офицеров погибли, тысячи были ранены. Однако по ряду причин российских военнослужащих, воевавших в далекой среднеазиатской республике за интересы своего государства, долгие десятилетия не признавали участниками боевых действий. Но они были там, с честью выполнив все поставленные задачи, не дав сформироваться в Таджикистане фундаменталистскому режиму, подобному ИГИЛ (организация, запрещенная в России), сохранив светское государство, союзное России. Кроме того, им длительное время удавалось предотвращать распространение из Афганистана на территорию стран СНГ и в Европу тысяч тонн наркотиков, в том числе героина.

Собирая материал для этого издания, беседуя с участниками событий, я как автор ставил перед собой задачу донести до читателей воспоминания тех, кто непосредственно находился на опаленном огнем войны таджикско-афганском рубеже. Абсолютное большинство из них прежде не публиковались в отечественных средствах массовой информации и литературе. Хочется надеяться, что, прочтя эту книгу, читатель сумеет составить объективное представление о том, что же происходило на той забытой ныне войне.

Андрей МУСАЛОВ

Часть 1

Распад

Период с 1989 по 1991 год стал для Советского Союза временем, когда в стране стремительно развивались негативные тенденции, выражавшиеся в эрозии и деградации государственных структур, в том числе и силовых. Еще до распада СССР многие бывшие советские республики принялись создавать собственные вооруженные силы и органы госбезопасности. Не осталась в стороне и Россия. Уже 6 мая 1991 года председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин и председатель КГБ СССР В. А. Крючков подписали протокол об образовании Комитета государственной безопасности РСФСР (КГБ РСФСР). Эта структура имела статус союзно-республиканского государственного комитета. К осени 1991 года штат КГБ РСФСР составлял лишь несколько человек, однако к концу года он разросся до солидной структуры. В тот же период в российской структуре госбезопасности появились службы, дублировавшие их союзные аналоги.

Сам КГБ СССР стремительно рассыпался на множество мелких структур. 22 октября 1991 года постановлением Государственного Совета СССР № ГС-8 Комитет государственной безопасности СССР был разделен на Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ), Центральную службу разведки СССР (ЦСР) и Комитет по охране государственной границы СССР. Чуть ранее (в августе – сентябре) из него также были выделены подразделения правительственной связи и правительственной охраны.

Стремясь ликвидировать саму аббревиатуру «КГБ», 26 ноября 1991 года президент РСФСР Борис Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР (АФБ РСФСР). Сразу же после распада Советского Союза прекратил свое существование и КГБ СССР. 19 декабря 1991 года президент РСФСР Б. Н. Ельцин подписал указ «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» (МБВД). При этом были упразднены Министерство внутренних дел СССР, Министерство внутренних дел РСФСР.

В конце 1991 – начале 1992 года некогда единая структура КГБ СССР была преобразована во множество российских федеральных агентств и служб. 18 декабря 1991 года на базе Центральной службы разведки СССР была создана Служба внешней разведки России (СВР). 24 декабря 1991 года на базе 8-го ГУ и 16-го управления появилось Федеральное агентство правительственной связи России (ФАПСИ). Из 9-го управления были созданы Федеральная служба охраны (ФСО) и Служба безопасности президента. А 24 января 1992 года президент РСФСР Б. И. Ельцин подписал указ об образовании Министерства безопасности России (МБР) на базе упраздняемого Агентства федеральной безопасности РСФСР.

Дольше всех из бывших союзных структур продержался Комитет по охране государственной границы СССР, преобразованный в Межгосударственный комитет по охране государственной границы СНГ. Он просуществовал до октября 1992 года. Параллельно 12 июня 1992 года указом президента № 620 были созданы Пограничные войска Российской Федерации. Поначалу они входили в состав Министерства безопасности Российской Федерации. Само Министерство безопасности Российской Федерации было упразднено 21 декабря 1993 года. На его базе была создана Федеральная служба контрразведки России (ФСК). Позже, 12 апреля 1995 года, ФСК была переименована в Федеральную службу безопасности России (ФСБ).

Произошедший в декабре 1991 года распад Советского Союза на отдельные республики и появление Союза Независимых Государств (СНГ) привели к развалу системы охраны некогда единой государственной границы. Хотя на международном уровне и декларировалась необходимость охраны внешних рубежей, Межгосударственный комитет по охране государственной

границы СНГ мало что значил. Каждое из молодых независимых государств первым делом принялось создавать собственные пограничные структуры, не особо заботясь об их охране.

Внутренние границы и вовсе стали «прозрачными». Наследие Пограничных войск СССР растаскивалось по законным и полузаконным формированиям, которые зачастую смотрели на охрану рубежей как на коммерческое предприятие, осуществляя поборы на контрольно-пропускных пунктах, пропуская незаконные товары, автотранспорт и людей без надлежащего оформления.

Все это означало, что любой житель Афганистана или Пакистана мог беспрепятственно оказаться, например, в Москве, не встретив на своем пути ни одного пограничного поста. Безопасность всего пространства бывшего Советского Союза оказалась под угрозой со стороны террористов, наркоторговцев, контрабандистов оружием и т. д. Однако в условиях парада суверенитетов, дележа власти и растаскивания бывшего советского имущества это мало кого волновало.

Краснознаменный Среднеазиатский

15 февраля 1989 года завершился вывод советских войск из Демократической Республики Афганистан. Однако для пограничников, несших службу на границе с ДРА, необъявленная война продолжалась. За их спинами мирно поблескивала электрическими огнями советская Средняя Азия, а впереди темнела чужая земля, таившая смертельную угрозу. Оттуда периодически прорывались вооруженные банды, которые пытались грабить приграничье, на рокадных дорогах, шедших вдоль пограничного рубежа, подрывались машины, из пылающей страны непрерывным потоком на советскую территорию переправлялось оружие, наркотики, шли беженцы.

Некоторое время советское государство поддерживало законное правительство Демократической Республики Афганистан. Туда в больших объемах направлялась экономическая и военная помощь. Участвовали в этом и пограничники Краснознаменного Среднеазиатского погранокруга КГБ СССР (КСАПО), перебрасывавшие через границу оружие и боеприпасы афганским правительственным формированиям.

Пограничники, вышедшие из Демократической Республики Афганистан. 1989 год

После распада Советского Союза правительства вновь созданных государств СНГ, включая Российскую Федерацию, прекратили помощь правительству Наджибуллы. После этого вероятность его падения стала лишь вопросом времени. В одночасье тонкая полоска границы с Афганистаном превратилась в грань между миром и войной, которая в любой момент могла перекинуться на сопредельные территории.

Александр Камуля

На мой взгляд, истоки событий, произошедших в начале 1990-х годов в Таджикистане, следует искать в 1980-х, когда шла война в Афганистане. Уже в то время на территории тогда еще советской Таджикской Республики формировалось управляемое извне террористическое подполье, зачастую исламистского толка. Приведу характерный пример, кто и как попадал в ряды тех, кто позже стал так называемой таджикской оппозицией.

Замполит заставы «Файзабад-кала» старший лейтенант Александр Камуля. 1988 год

В 1987 году, когда я служил на должности замполита заставы «Файзабад-Кала» 48-го Пянджского пограничного отряда, на моем участке произошел «прорыв». Это очень поучительная и достойная внимания история...

В Афганистан ушел нарушитель по фамилии Довлатов. Эта фамилия довольно распространена в Таджикистане – примерно так же, как фамилия Иванов в России. При определенных обстоятельствах этот человек проиграл значительную сумму денег в азартные игры – в нарды. Причем проигрался на гигантскую по тем временам сумму – пятьдесят тысяч рублей!

В 1987 году такую кучу денег было трудно даже представить. Автомобиль «Волга» на черном рынке стоил десять тысяч.

Видимо, те, кому проиграл этот самый Довлатов, поставили условие: либо деньги, либо жизнь! Он выбрал третий путь – бежал из Душанбе к одному из родственников, проживавшему на юге Таджикистана, в Пянджском районе. Тогда этот район входил в пограничную зону, и, чтобы в нее попасть, нужно было проехать через пункт пропуска, находившийся на участке заставы «Караул-Тюбе». Все транспортные средства и пассажиры проходили здесь проверку. Но Довлатов сумел избежать ее. Как в последующем выяснилось, он обошел пункт пропуска пешком через совхозные поля. Удивительно, что и местные жители, почти поголовно бывшие информаторами пограничников, не сообщили о подозрительном гражданине.

Застава «Файзабад-кала». 1980-е годы

Оказавшись в пограничной зоне, Довлатов поселился у родственников в одном из кишлаков колхоза «Пограничник», на участке моей заставы «Файзабад-Кала», находившейся на правом фланге Пянджского отряда. Несколько дней он ходил по полям, иногда приближаясь к КСП¹, изучал, как устроена система охраны рубежа, когда сменяются наряды и так далее. Наиболее подходящим для перехода границы местом оказался участок возле бахчи, где рубеж основных инженерных сооружений пересекал арык, по которому происходил сброс воды с поливных полей в реку Пяндж. Рядом с бахчой Довлатов приметил курган, возвышавшийся над окружающей местностью на пятнадцать – двадцать метров. Его потенциальный нарушитель избрал в качестве ориентира.

Довлатов познакомился с бахчевником. Тот также сообщил незнакомцу некоторую информацию, связанную с охраной границы, и предупредил его, чтобы тот не ходил за «систему», иначе будет задержан пограничниками.

---

¹ КСП – контрольно-следовая полоса. Вид инженерного заграждения на границе.

Пограничники заставы «Файзабад-кала».
Конец 1980-х годов

6 июня 1987 года примерно в 23.00 Довлатов решился на рывок через границу. Он преодолел рубеж основных инженерных сооружений («систему», КСП). Ему способствовало то обстоятельство, что уровень воды в водосливном арыке за несколько дней перед этим поднимался и затопило окружающую местность и часть КСП. Начальник заставы вынужден был принять решение об отключении нижних нитей сигнализационной системы, которые залила вода. К описываемому моменту ее уровень начал спадать, и часть отключенных нитей уже была выше уровня воды, а полоска грунта КСП, где вода сошла, превратилась под палящим солнцем в твердую как камень поверхность...

Преодолев рубеж инженерных заграждений, нарушитель направился к Пянджу. Тут он напоролся на заболоченный участок. Не решившись преодолевать его ночью, Довлатов поднялся на курган и улегся спать.

Проснувшись утром, он увидел, что за курганом, помимо болота, находились арык и насосная станция, качавшая воду на поля. А в тылу у него находились «система» и КСП.

Теперь нарушитель прекрасно видел, куда ему двигаться. Он начал спускаться вниз...

Примечательно, что в этот момент Довлатова увидел сторож, дежуривший на бахче. Он даже окликнул незнакомца: «Эй, ты что там делаешь?» – но нарушитель только ускорил движение. Спустившись с кургана, он быстро преодолел болото, арык, вышел к пограничной реке Пяндж, переплыл на остров через небольшое русло, и далее был переправлен пастухами-афганцами на территорию Афганистана в районе кишлака Акмасджид, а затем доставлен к местному «курбаши» – главарю душманов. Тот подробно допросил Довлатова – кто такой и откуда, как и почему перешел границу. Перебежчик подробно обо всем рассказал, впрочем, утаив, видимо, информацию о своем денежном долге.

За несколько дней до этих событий я вышел из отпуска и принимал дела у уходящего в отпуск начальника заставы. Поэтому на то, что отключены нити и не обработана возле арыка КСП, сразу внимания не обратил. Все же еще был один шанс задержать нарушителя...

Так совпало, что в то время, когда нарушитель начал двигаться с кургана в сторону границы, на погранзаставу «Файзабад-Кала» выдвигался по флангу вдоль КСП начальник соседней заставы майор Вадим Миронюк с целью ознакомить с участком заставы вновь назначенного к нему замполита. Сторож бахчи рассказал о замеченном неизвестном Миронюку, а тот после прибытия на заставу сообщил об этом мне:

– У тебя на участке сторож заметил какого-то мужика у КСП. Может быть, это кто-то из работников насосной станции? Они не должны были отходить от своего объекта, но мало ли – вдруг рыбу пошли ловить? Ты им там сделай втык.

Поблагодарив коллегу, я поднял тревожную группу и во главе ее отправился к месту возможного нарушения. Осмотрев контрольно-следовую полосу, мы не обнаружили признаков нарушения. Позже выяснилось, что Довлатову в тот день сильно повезло: из-за разлива арыка «система» оказалась частично затоплена, и начальник заставы капитан Ю. А. Сайсанов приказал отключить нижние нити, оказавшиеся под водой. Затем вода спала, нити остались в грязи. Контрольно-следовая полоса также оказалась покрыта грязью, которая на жаре затвердела как камень. В результате, когда нарушитель прошел по КСП, следов на ней фактически не осталось. Не сработали и отключенные нити «системы». Я заехал на насосную станцию и опросил находившихся там работников. Они клялись, что никто из них к КСП и «системе» не приближался, они, мол, только что прибыли на дежурство и валили все на предыдущую смену, которая за полчаса до этого сменилась и убыла с насосной станции: это те, мол, решили перед убытием домой рыбки поймать.

Замполит заставы «Файзабад-Кала» старший лейтенант Александр Камуля принимает доклад у пограничного наряда. 1980-е годы

Между тем уже на следующий день об уходе Довлатова за рубеж и его беседе с афганским бандглаварем во всех подробностях знали разведорганы Пянджского пограничного отряда. Видимо, в той банде у них были свои информаторы. Пара дней ушла на подтверждение и проверку информации, а уже 10 июня на заставу «Файзабад-Кала» прибыла группа офицеров отряда во главе с начальником штаба подполковником Сергеем Нероевым.

Сергей Владимирович с ходу огорошил меня:

– Мы прибыли с целью поиска на участке вашей заставы места нарушения границы.

От удивления я смог ответить только:

– У меня не было прорыва. Ни следов, ни «сработок».

– А вот мы сейчас во всем и разберемся!

Тут же офицеры приступили к делу: одни отправились на левый фланг, другие – на правый, третьи стали изучать работу «системы». Тут-то, при контрольных «сработках», и выяснилось, что нижние нити отключены. Однако следов нарушителя нигде не было обнаружено, хотя проверяющие четыре дня изучали основную и вспомогательную КСП.

На четвертый день Нероев доложил начальнику отряда подполковнику Игорю Харьковчуку:

– Игорь Афанасьевич, признаков нарушения на участке заставы не обнаружено. Завтра переносим поиск на заставу «Караул-Тюбе».

Я уже было вздохнул с облегчением, как приехал офицер разведотдела отряда капитан Наимов и сообщил:

– А прорыв-то был на вашей заставе – на «Файзабад-Кале».

Оказалось, разведчик сумел найти сторожа бахчи, видевшего Довлатова на кургане. Наимов встретился с ним и подробно расспросил, что да как. Сопоставив ориентиры и время событий, понял, что нарушение могло быть только на участке моей заставы. Доклад ушел в отряд – и начался новый этап поиска, куда масштабнее прежнего!

На следующий день из Ашхабада прилетела группа офицеров во главе с начальником штаба Среднеазиатского пограничного округа генерал-майором Грибановым. Непосредственно поисковые мероприятия возглавил начальник оперативного отдела округа полковник Лунев. Он подошел к выполнению поставленной задачи с размахом – на вертолетах перебросил на участок заставы резерв из окружной школы служебного собаководства. Чуть позже прибыла колонна с курсантами школы сержантского состава и школы поваров.

Всего за сутки на моей заставе было уже почти шестьсот военнослужащих вместо пятидесяти, положенных по штату. Да еще восемьдесят розыскных собак. Вся эта орава прочесывала каждый метр местности между РОИС² и рубежом прикрытия, пытаясь найти какие-то улики либо тайники, оставленные нарушителем, а также возможных сообщников. Планы на поисковые действия формулировал полковник Лунев, а воплощать их в действие на местности приходилось мне – с учетом проходимости местности, наличия опасных для движения участков... Нужно было лично инструктировать старших поисковых групп и заслонов, ведь это участок моей заставы, и рассказать обо всех сложностях и опасностях мог только я.

А в это время в Афганистане сразу несколько мотоманевренных групп и десантно-штурмовая маневренная группа пытались найти и задержать Довлатова. Кишлак Акмасджид был блокирован бойцами Имам-Сахибской ММГ и ДШМГ. Я, находясь на своей заставе, слышал их переговоры по радиостанции.

Десантники тщательно прочесали кишлак, но нарушителя не нашли. От местных жителей стало известно, что накануне душманы успели вывести его в соседний кишлак. Тот населенный пункт был блокирован, но Довлатова опять успели увезти. Так повторялось несколько

---

² РОИС – рубеж основных инженерных сооружений.

раз, пока не стало ясно, что объект поиска уже находится в Пакистане. Сказались форы в четыре дня и хорошее знание гор местными жителями.

В те дни я находился в самом скверном состоянии духа, ощущая себя чуть ли не изменником Родины! Прорыв через границу в те времена являлся делом почти неслыханным! Предыдущий случай был в 1983 году, когда в Закавказье через границу ушла семейка прибалтов. Тогда головы полетели обильно: начальника войск округа сняли с должности, начальника погранотряда уволили, начальника заставы посадили на скамью подсудимых. Словом, я не ждал пощады и считал свою карьеру в пограничных войсках законченной.

Было очень больно и обидно, поскольку я выбрал профессию пограничника по призванию – и мне нравилась служба на границе! Учеба в пограничном училище для меня стала настоящим удовольствием. Я был единственным на курсе стипендиатом имени Ф. Э. Дзержинского, а на старших курсах стипендиатом имени В. И. Ленина.

На четвертом курсе во время полевого выхода в учебный центр я серьезно заболел – застудился, начался пиелонефрит. Врачи хотели меня комиссовать. Но я так стремился достигнуть цели – стать офицером-пограничником, что порвал историю болезни. С трудом сдавал государственные экзамены, особенно физическую подготовку. Через силу, через боль, но я победил обстоятельства. И вот, когда столько испытаний позади, вдруг случается это все – такая обидная ошибка!

Впрочем, сильно пострадать-попереживать мне не пришлось. С поиска пришел полковник Лунев. Напомнил, что я все еще исполняю обязанности начальника заставы, и с ходу наставил задач:

– Товарищ старший лейтенант! Нужно покормить людей, сидящих в заслонах. Снабдить водой поисковые группы. Спланируйте охрану границы.

Шли уже третьи сутки с момента начала данной эпопеи. И все это время мне не удавалось поспать ни одного часа. Сознание уже почти не воспринимало окружающую реальность. Тут я вспомнил, что в аптечке заставы имеется медицинский препарат под названием «Сиднокарб». По предназначению он должен использоваться врачами для лечения психических больных в стадии глубокой депрессии – по сути, это был допинг. Приняв таблетку такого вещества, я почувствовал прилив бодрости. А за десять дней поиска употребил его целую пачку. Хорошо, что Лунев вовремя заметил, что я уже на пределе, и приказал идти спать.

Поспать толком не удалось. Информация о прорыве дошла до Москвы, и к нам на участок вылетел сам начальник пограничных войск КГБ СССР – генерал армии Вадим Матросов! Вскоре на площадку рядом с заставой приземлился вертолет, из которого вышел Вадим Александрович. За ним последовал командующий округом – генерал-майор Иван Коробейников и сопровождающие из штабных офицеров.

Матросов сразу же приказал:

– Едем на участок.

Прибыв на место, он внимательно осмотрел местность. Несмотря на масштабные поиски, следы не были обнаружены ни людьми, ни собаками. Видимо, Матросов понял, как и что произошло. Вернувшись на заставу, он в канцелярии внимательно выслушал доклады всех ответственных лиц, задал уточняющие вопросы.

Матросову в тот момент шел семьдесят первый год. Несмотря на это, он сохранял ясность ума, задавал вопросы по делу. В какой-то момент генерал взглянул на меня. Я подскочил, приготовившись к тому, что заместитель председателя КГБ СССР начнет меня распекать, что было бы вполне понятно в данной ситуации. Но Вадим Александрович подчеркнуто вежливо сказал:

– Что же вы, старший лейтенант? Как вы такое допустили? Мне доложили, что вы грамотный офицер. Ответственный офицер. А тут упустили нарушителя. Стыдно!

Я густо покраснел – от подобного подхода стало еще досаднее. Лучше бы Матросов меня обругал последними словами! Хотелось провалиться под землю. Мысленно уже прощался с офицерскими погонами, с любимой пограничной службой. Но Вадим Александрович неожиданно заявил, обращаясь уже к генералу Коробейникову:

– Я в связи с этим случаем своих приказов издавать не буду. Командующий округом сам разберется, кому и что «раздать»...

Тут я понял, что меня не уволят (уволить мог только командующий погранвойсками КГБ СССР). Внутренне обрадовался и дал себе обещание, что буду землю грызть, но оправдаю такое доверие!

А тогда, покидая заставу, Матросов пожал мне руку и сказал:

– Из случившегося сделайте правильные выводы, товарищ старший лейтенант!

Так мне довелось пообщаться с человеком-легендой. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Я мысленно дал себе обещание, что ни дня на погранзаставе для меня не пройдет без следовой тренировки розыскной собаки и тренировки личного состава по следопытству... Забегая вперед, скажу, что данное себе слово я старался держать как мог. Через полгода инструктор службы собак с «Файзабад-Калы» сержант Федор Николенко занял первое место на отрядных соревнованиях по служебному собаководству. А уровень подготовки солдат нашей заставы по следопытству стал определяться тем, что при проверке КСП на участке в 10 км они были способны обнаружить оставленные мною в разных местах в качестве контрольных предметов три половинки спичек...

Инструктор службы собак заставы «Файзабад-Кала» – сержант Федор Николенко. Конец 1980-х годов

Когда Матросов улетел, меня к себе вызвал начальник отряда подполковник И. А. Харьковчук. Незадолго до этого он сломал ногу, ходил на костылях и поэтому в район поиска не выезжал. Мой вид после бессонной недели был, видимо, очень невеселым. Ситуация, по которой случился прорыв, была уже очевидна, поэтому начальник буднично сказал:

– Получили мы с тобой по НСС – неполному служебному соответствию... – и добавил, видимо, чтобы успокоить меня: – годик поносишь. А теперь возьми в штабе офицера – он уже ожидает, пусть покомандует трое суток пограничной заставой, а ты отоспись!

Вот такое объявление взыскания, больше похожее на отцовское подбадривание сына, «наломавшего дров»...

Казалось, что та неприятная история так и завершится ничем. Однако некоторое время спустя она получила продолжение. В отряд периодически приходили ориентировки, в которых мелькала фамилия Довлатова. В том же 1987 году он был обнаружен в лагере подготовки боевиков афганской оппозиции на территории Пакистана, в районе Пешавара.

Весной 1988-го его видели на севере Афганистана, в районе кишлака Пархар. Разведывательно-поисковые группы из состава ММГ даже пытались отловить беглеца, но тому вновь удалось ускользнуть. Наш отряд тогда почти две недели находился в усиленном режиме. Я тогда очень желал повстречать этого самого Довлатова. Прикидывал, что в Таджикистан нарушитель попытается вернуться знакомой тропинкой. Даже мысленно обращался к нему: «Давай, попробуй. Теперь-то я готов! У меня и КСП в порядке, и личный состав натаскан».

И Довлатов вновь перешел границу! Но только не через участок нашего отряда, а через соседний – Московский пограничный отряд. Пробрался мимо ставшей впоследствии знаменитой 12-й заставы «Саригор» – там горный участок, поэтому не было КСП и «системы».

В марте того же 1988 года Довлатов внезапно обнаруживается в Душанбе. Две недели он успешно скрывался от оперативников, а затем вдруг явился в местное управление КГБ и сдался. Вскоре в рамках следствия задержанного привезли на мою заставу – для проведения следственного эксперимента. Тогда я впервые увидел Довлатова. Внешне спокойный, рассудительный, хитрый, говорил не спеша, вставляя глубокомысленные фразы. Не будь охраны, я бы его там и прибил – такая одолела злость!

Нарушитель на местности показал и рассказал, как он нарушил границу, как шел, где отдыхал, как преодолевал КСП и «систему». Только тогда стало ясно, почему наряды не сумели его обнаружить. Затем состоялся суд.

За нарушение границы полагалось до пяти лет тюремного заключения. Но поскольку Довлатов действовал в составе афганских бандформирований, ему вменяли в вину измену Родине. В то время это была одна из наиболее тяжких статей Уголовного кодекса – от 12 до 15 лет заключения либо высшая мера наказания – расстрел.

В судебном процессе принимали участие и пограничники заставы «Файзабад-Кала». Некоторые уже успели демобилизоваться. Несмотря на это, их вызвали повестками в столицу Таджикистана. Например, вожатый службы собак Филиппов, входивший в день прорыва в состав тревожной группы, приехал аж из Белоруссии, из города Борисова.

Я также был на заседаниях суда, скрипел зубами, слушал. В отношении пограничников суд вынес частное определение за ряд нарушений, связанных с охраной границы. В принципе все правильно. Что касается Довлатова, то он, на удивление, получил всего 8 лет – меньше минимального предела, который был предусмотрен в тогдашнем Уголовном кодексе за государственную измену. Видимо, суд учел явку с повинной и «чистосердечное раскаяние».

И все же у многих, в том числе и у меня, уже тогда возник ряд вопросов...

Человек восемь месяцев отсутствовал на территории Советского Союза. Чем он занимался, где был, с кем контактировал? Простили ли ему гигантский денежный долг криминальные элементы в Душанбе? Вряд ли – местные бандиты могли убить и за меньшие деньги.

Мое мнение: Довлатов прошел подготовку в лагере боевиков в Пешаваре, где был завербован некими спецслужбами. От них он получил сумму денег, необходимую для выплаты долга, и инструкции по внедрению в качестве «спящего» агента: сдать властям, отсидеть срок, выйти и начать действовать в интересах новых хозяев.

Это предположение подтверждает дальнейшее развитие событий. Уже в 1991 году, перед развалом Советского Союза, в нашу часть пришла телеграмма, сообщавшая, что гражданин Довлатов освобожден из мест лишения свободы. Была, да и сейчас есть, такая практика – сообщать заинтересованной стороне об освобождении осужденного. Примечательно, что Довлатов

вышел по УДО (условно-досрочному освобождению). Получалось, что он отсидел всего три года. Это было удивительно, даже несмотря на начавшийся в стране «бардак» – видимо, и здесь не обошлось без коррупционной составляющей или покровительства его хозяев...

Позже была получена ориентировка от КГБ, что Довлатов появился в Душанбе. В Таджикистане как раз был разгар вооруженного противостояния, и он влился в ряды вооруженной оппозиции.

Другим характерным примером представителя вооруженной таджикской оппозиции был житель кишлака имени Максима Горького Пянджского района по фамилии Джалолов. Как рассказывали о Мухтадо Джалолове разведчики, в 1980-е годы он ушел на Афганский Памир, где прошел обучение в медресе и лагере подготовки боевиков. Вернувшись в Пянджский район, стал работать инженером на местной насосной станции. Органы интересовались им, но предъявить ничего не могли.

В 1990 году рядом с домом Джалолова в короткие сроки была построена мечеть с перекошенным минаретом, в которой он начал вести проповеди. А с началом гражданской войны в 1992 году Мухтадо Джалолов стал одним из лидеров оппозиции в Пянджском районе. Несколько раз пограннаряды моей заставы «Тугул» вступали в боестолкновения с его бандами; боевики несли потери, но самому Джалолову удавалось уйти... Хорошо обученный, грамотный боевик, очень хитрый, имеющий представление о методах работы оперативных органов, наших разведчиков водил за нос мастерски! И таких в начале 1990-х появились сотни по всему Таджикистану!

Николай Троян

В 1989 году я занимал должность начальника политотдела 68-го Тахта-Баварского пограничного отряда. То, что полыхавший в соседней стране конфликт рано или поздно коснется Краснознаменного Тахта-Баварского пограничного отряда, его руководство предполагало и готовилось к подобному развитию событий еще до завершения вывода войск. Было очевидно, что, как и во время афганской кампании, многочисленные банды, рыскавшие по ту сторону границы, могут ударить по советской территории. Вот только теперь там не было буфера из частей пограничных войск и Советской армии. Поэтому подразделения отряда несли службу «по-боевому» и находились в постоянной готовности отразить нападение. И все же первый удар из-за кордона был достаточно неожиданным.

22 апреля 1989 года на участке 14-й заставы вдоль линии государственной границы следовал пограничный наряд на автомобиле ГАЗ-66. Внезапно автомашину обстреляла из засады группа афганских бандитов. «Шишига» загорелась, а двое пограничников – старший пограничного наряда лейтенант Виктор Чуприна и сержант Василий Николенко – получили ранения. Несмотря на невыгодные условия, наряд принял бой. Ведя ответный огонь, пограничники смогли отразить нападение. К моменту прибытия подмоги бандиты бежали за рубеж.

Противник не стал ограничиваться засадами и, как и в годы афганской войны, вновь начал минировать рокадные дороги на советской стороне. И хотя в отряде постоянно проводилась инженерная разведка местности, избежать подрыва не удалось. 1 июня на правом фланге участка 12-й погранзаставы произошла сработка электросигнализационной системы. Туда выдвинулась тревожная группа на автомашине ГАЗ-66. В состав наряда входили лейтенант Игорь Коваленко, сержант Александр Кочетков, ефрейтор Сергей Романчук, рядовые Валерий Чугунов и Валентин Григорович.

Примерно в 19.50 машина подорвалась на противотанковой mine. В результате взрыва рядовой Григорович и ефрейтор Романчук получили ранения средней степени тяжести, а остальные военнослужащие – контузии. Автомобиль был полностью выведен из строя. Несмотря на тяжелые последствия, тревожная группа не растерялась – изготовилась к бою,

организовала круговое наблюдение и оказала первую помощь раненым. Вскоре прибыл резерв, который эвакуировал раненых и пострадавших. Как выяснилось позже, мина была установлена бандой Турлангутая, действовавшей на сопредельной территории.

Невероятная нищета, царившая в Афганистане, и в прежние времена заставляла его жителей прорываться на советскую территорию в поисках ценных ресурсов. Прежде всего речь идет о древесине, которая продавалась в соседней стране. После ухода советских войск, оказывавших гуманитарную помощь афганскому населению, число таких попыток возросло.

9 декабря 1989 года в 12.00 дозор 5-й заставы в составе сержанта Басырова, ефрейтора Новицкого и рядового Краснопеева доложил, что группа афганцев на четырех автомашинах пересекла границу и, углубившись на советскую территорию на 200 метров от электросигнализационной системы, вырубает фисташковые деревья в зоне Бадхызского заповедника. К месту обнаружения выехала тревожная группа из 7 человек во главе с майором Русланом Шакировым. Действуя умело и решительно, пограничники без лишнего шума задержали 27 нарушителей. У них было изъято 2 пистолета, автомат и ручные гранаты.

Всего же за 1989 год на участке Тахта-Баварского отряда было задержано 54 нарушителя границы, снято и обезврежено 38 противотранспортных мин.

Следующий, 1990 год оказался не менее напряженным. Отряд шесть раз переходил на усиленную охрану государственной границы общей продолжительностью в 41 сутки. На заставах было проведено 11 поисков, задержано 109 нарушителей. Характерной особенностью того периода стали попытки афганцев нарушить государственную границу с целью воровства и грабежа. Всего на участке отряда было отмечено 1826 таких случаев.

Зачастую через границу переходили отпетые бандиты, безо всяких колебаний пускавшие в ход оружие. Например, 14 марта 1990 года в 22.00 наряд 10-й заставы в составе рядовых Николая Хмелькова, Александра Волкова и Александра Хмары обнаружил нескольких афганцев, которые, нарушив границу, принялись воровать имущество местных колхозников. При чем действовали «соседи» нагло, прямо на глазах у пограничников.

Доложив на заставу, наряд предпринял попытку задержания нарушителей. Те оказали вооруженное сопротивление, вынудив стражей границы открыть ответный огонь. Один из афганцев был убит, остальные задержаны.

Впрочем, чаще всего нарушителями становились обычные мирные жители, бежавшие от непрекращавшихся боевых действий. 15 октября 1990 года на участке Серахского отряда через пограничный рубеж прорвалась огромная толпа людей из племени Абдулхака. Некоторые ехали на машинах, другие гнали отары овец и стада коров. Остановив нарушителей, пограничники выяснили, что те перешли на советскую территорию, спасаясь от огня вооруженной оппозиции.

Руководство Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа договорилось о возвращении беженцев на сопредельную сторону на участке Тахта-Баварского отряда – соседнего с Серахским. В период с 16 по 27 октября была проведена переброска 1873 человек и 16 тысяч голов скота. Всего было совершено 26 рейсов. Дополнительно перевезено 92 тонны грузов, эвакуировано 19 афганских машин.

Движение афганских беженцев по участку Тахта-Базарского пограничного отряда

Руководил той операцией заместитель начальника войск КС АП О генерал-майор Александр Сергеевич Владимиров. Благодаря четкой организации, умелым и решительным действиям пограничников эта гуманитарная операция была проведена успешно, в строго установленные сроки.

В 1990 году не прекращалось и минирование советской территории. Всего в тот год на участке Тахта-Базарского отряда войсковыми и оперативными действиями было обнаружено и уничтожено 106 мин. Несмотря на эти успехи, произошло 7 подрывов на взрывных устройствах. Статистика этих происшествий такова:

- подрывы техники отряда – 2;
- подрывы техники местных жителей – 1;
- подрывы техники ООН – 1;
- подрывы техники афганцев – 3.

В историческом формуляре отряда об одном из эпизодов сохранилась такая запись: «Утром 3 ноября на участке 6-й заставы машина ГАЗ-66 с работниками лесхоза и пограничным нарядом двигалась по дороге вдоль рубежа прикрытия. В кузове находились сержант Ерохин, рядовые Ильгов и Блинов. В 11.25 под ее правым колесом произошел взрыв. Сидевший в кабине помощник лесничего погиб, водитель и остальные пассажиры получили минно-взрывные травмы.

Заместитель начальника войск КСАПО генерал-майор Александр Владимиров ставит задачи офицерам управления на переброску афганских беженцев по участку Тахта-Базарского отряда

В то же утро на противотранспортной mine подорвалась автомашина ЗИЛ-131 2-й мотоманевренной группы отряда, которой управлял водитель рядовой Александр Скрипка. В кабине также находились недавно назначенный начальником мангруппы майор Мансур Шайдулин и начальник 6-й заставы капитан Андрей Сидоренко. Старшина этого подразделения прапорщик Сергей Морозов ехал в кузове. Офицеры осуществляли проверку нарядов, обеспечивающих безопасность местных жителей, работающих за линией инженерно-технических сооружений.

В 11.30 при спуске с перевала Ракова ЗИЛ-131 подорвался, наехав на мину левым колесом. Все находившиеся в машине получили минно-взрывные травмы, а само транспортное средство было полностью выведено из строя и восстановлению не подлежало. Несмотря на ранения, майор Шайдулин сумел организовать наблюдение за сопредельной территорией, принял меры к оказанию медицинской помощи пострадавшим.

Сержант Ерохин отправился к ближайшему линейному гнезду связи. Несмотря на полученные ранения, он прошел более пяти километров по сильно пересеченной местности, связался с заставой и доложил о случившемся. Вскоре на помощь прибыл наряд, который оказал первую помощь пострадавшим, организовал охрану машины и наблюдение за сопредельной территорией».

Андрей Сидоренко

В 1991 году я был начальником 6-й заставы Тахта-Баварского пограничного отряда. Утром 3 ноября на заставу приехали сотрудники Кушкинского лесхоза во главе с помощником лесничего. Попросили помочь при проведении работ за линией инженерно-технических сооружений. Хотя накануне заявок от них не поступало, мы пошли навстречу, поскольку была

установка не препятствовать хозяйственной деятельности местного населения. Я дал команду подготовить пограничный наряд, назначив старшим сержанта Владимира Ерохина. В состав наряда также включил рядовых Ильгова и Блинова. На заставе к тому времени оставался единственный автомобиль ГАЗ-66, предназначавшийся для тревожной группы, поэтому я принял решение отправить наряд на автомобиле лесхоза. Однако мысль о неожиданно возникшей необходимости проведения работ не давала мне покоя. Ну сами посудите: вся страна готовится к очередной годовщине Октябрьской революции, а тут на тебе – необходимость! В районе, заявленном для работ, водились архары, кабаны и другая живность. Вот я и подумал; а не за мясом ли они рванули? К тому же в составе лесничих был некто Аганазар, уже неоднократно предлагавший нашим нарядам поохотиться.

Вот я и решил проверить, чем там они будут заниматься. Дал команду дежурному готовить автомобиль тревожной группы. Поскольку свободных людей не было, дал команду готовиться и старшине заставы – прапорщику Сергею Морозову.

Подорванный на участке 6-й пограничной заставы Тахта-Базарского пограничного отряда автомобиль ЗИЛ-131. 3 ноября 1990 года

Вот за этими сборами нас и застал майор Мансур Шайдулин, недавно назначенный начальником 2-й ММГ. Мансур Тахтарович высказал желание поехать с нами – с целью изучения участка заставы. Поскольку в кабине ГАЗ-66 двум офицерам не поместиться, Мансур предложил поехать на его машине ЗИЛ-131. Водителем был Александр Скрипка. На сборы ушло минут 20–30.

Двинулись в путь. Заехать было решено со стороны границы, поэтому мы двигались по рубежу прикрытия со скоростью 50–60 километров в час. Через несколько километров наш ЗИЛ внезапно подбросило метра на три! По инерции он пролетел вперед еще метров пять. Испугаться никто не успел! Осознание произошедшего пришло лишь через несколько секунд, когда я понял, что лежу вверх ногами на начальнике мангруппы, а на голову капает горячее масло и бензин. Кричу: «Все живы?!» – «Все!»

Сразу же мысли: что это было? Мина! Засада?! Вроде не стреляют. Ждут, наверно. Оставаться в машине нельзя, в любой момент она может загореться. Но вылезать, с одной стороны, опасно, с другой – проблематично, поскольку от взрыва заклинило двери. Кое-как протиснулся через боковую форточку – и под куст! Мансур кинул мне автомат и подсумок с магазинами. Дал

несколько очередей по прилегающим сопкам. Но в ответ – тишина. Выползли и все остальные. Осмотрелись – тихо! Ясно, что не засада.

Стали думать: что делать? Машина вдребезги, только в металлолом ее сдать и осталось. Сидеть на месте нет смысла. Решили двигаться к «системе», чтобы как-то связаться с заставой. Пройти предстояло 5–6 километров. Через 100 метров выяснилось, что водитель идти не может – раздроблена левая ступня. Попробовали тащить, не выходит – тяжелый, под 2 метра ростом, весом килограммов под 80. Посоветовавшись, решили: трое занимают оборону, а я двигаю до точки связи, поскольку лучше меня участка заставы никто не знал. Взял автомат с одним магазином, нож и побежал.

Бегу, значит, весь такой черный от машинного масла, пропахший бензином. Все звери от меня шарахаются! Поднимаюсь на перевал Ракова со стороны границы, вдруг слышу гул автомобиля. Дизель! У меня на заставе такого нет. Надо сказать, что несколькими днями ранее на этом направлении наш наряд наблюдал на сопредельной территории афганский КамАЗ с бородачами с пулеметом ДШК в кузове. Они заготавливали дрова.

На самом гребне перевала Ракова солнце ударило в глаза. Понадеялся, что меня с той стороны не заметили. Ведь прятаться некуда – кроме кустов колючки, никакой растительности! На всякий случай упал под кустик, патрон – в патронник – жду!

Машина все ближе. Метрах в двадцати от меня она встала на подъеме, и я услышал характерный звук передергивания затворов. Ждать больше было нечего – заметили! Решение пришло мгновенно. Встав в полный рост, я взял автомат наперевес и начал кричать, используя все афганские слова, какие только знал. Смысл был: сдавайтесь, иначе покрошу всех в капусту! А сам думаю: выпущу по ним 30 патронов, а дальше что? Куда бежать?!

Солнце светит в глаза, автомобиля не разглядеть. Думаю, нужно вернуться к своим. Там все-таки три ствола и куча патронов. Как-нибудь отобьемся! Пока эти мысли проносились у меня в мозгу услышал от машины русскую речь: «Товарищ майор, не стреляйте – это я, сержант Ерохин!» Тут, как говорится, ноги у меня подкосились.

Оказывается, сержант Ерохин оставил двух человек из состава наряда охранять подорванный ГАЗ-66 (Ильгова и Блинова), а сам, преодолев расстояние около 5 километров, связался с заставой и сообщил о случившемся. В это же время на автомашине «Урал» на стык 6-й и 7-й застав прибыл заместитель начальника 7-й заставы – старший лейтенант Жакеш Мадединов, который должен был забрать со стыка пеший дозор. Он-то и пришел на помощь Ерохину.

Жакеш потом рассказывал: «Едем мы, значит, по участку, наблюдаем во все стороны. Вдруг на самом перевале вижу какую-то афганскую морду. Затаилась под кустиком и лежит, прикинувшись камнем. 30–40 секунд смотрим друг на друга – тишина! Вдруг этот нарушитель вскакивает в полный рост и кричит на фарси какие-то непонятные слова! Морда черная, сам весь черный. Ну, думаю, точно афганец! Даю команду водителю: упасть на дно кабины, жду очереди. Тишина. Медленно поднимаю голову – и вдруг на тебе: вместо «афганца» – начальник «шестерки» Андрей Николаевич Сидоренко!»

Времени на братание и объятия не было. Кричу: «Мы подорвались на mine, надо спасать ребят!» И тут до меня доходит – а что здесь делает Ерохин?

Спрашиваю:

– А ты почему здесь, машина сломалась?

– Нет, наш наряд тоже подлетел на mine. Есть 200-й.

– Кто?

– Помощник лесничего.

Соображаю: значит, против нас поставили две мины. Дал команду ехать сначала к машине лесхоза, там все-таки гражданские, им нужно помочь в первую очередь.

Подъезжаем, видим: ГАЗ-66 без колеса, солдаты перепуганы, гражданские – еще больше. Тело помощника лесничего (как сейчас помню, звали его Рахмет) лежит в 10–12 метрах от

машины, вместе с сиденьем. Шансов выжить у парня не было: мина сработала под колесом, над которым он сидел. Остальные, к счастью, отделались легкими ушибами и контузиями. Seriously пострадал только водитель. Он получил перелом нескольких ребер и сильный ушиб грудной клетки.

Подорванный на участке 6-й пограничной заставы Тахта-Базарского пограничного отряда автомобиль ГАЗ-66.

Рядом с ним находится начальник штаба пограничного отряда подполковник Петр Перепеда. 3 ноября 1990 года

Оставив пару бойцов 7-й заставы для охраны, мы выдвинулись уже к ЗИЛ-131.

Между тем в отряде готовилось к вылету звено вертолетов с десантом и группой офицеров, в числе которых начальник штаба пограничного отряда подполковник Петр Перепеда и начальник инженерной службы подполковник Владимир Попов. Спустя 30–40 минут «вертушки» прилетели к месту подрыва. Совершили облет прилегающей территории, убедились, что все чисто. Затем высадили спецов, а нас – в госпиталь.

Как потом было установлено оперативным путем, на участках 5, 6 и 7-й застав нашего отряда бандитами было заложено около десятка мин и фугасов. Все они были подорваны или обезврежены инженерными подразделениями. Кроме тех двух!

Различные мины, обнаруженные на участке
Тахта-Базарского пограничного отряда в 1990 году

Да, по поводу самого подрыва: спасло нас то, что фугас был заложен под наклоном и мы ехали не со стороны границы, а из тыла. В результате вся ударная волна ушла влево от водителя. В противном случае она разворотила бы всю кабину вместе с пассажирами. Саперы, оценивая повреждения, предположили, что был заложен фугас – мина МІ 19 (ее еще называли «дипломат») – в сочетании с противотанковой «итальянкой». В общей сложности 11–12 килограммов тротила.

Помню, как прапорщик Морозов удивлялся: всего два фисташковых куста во всей округе, так при взрыве он на один из них и «десантировался». А упал бы на голую земельку – переломов бы было не сосчитать!

При подрывах двух автомобилей все пограничники отряда хоть и получили ранения и контузии, но остались живы. К сожалению, через день, 5 ноября, при эвакуации поврежденных машин на спуске с перевала Ракова водитель бронетранспортера мотоманевренной группы не справился с управлением. БТР перевернулся, в результате чего погиб младший сержант Александр Пировов.

Валерий Воронков

Уже в 1989 году стало очевидно, что в Таджикистане назревают какие-то события. Мы с начальником разведки Пянджского отряда Наилем Селивановым хорошо знали обстановку как в приграничной части Таджикистана, так и на севере Афганистана. «Из-за речки» шла активная заброска агентуры. Вдоль границы пограничники то и дело находили схроны с оружием.

В 1990 году президент Наджибулла обратился к советскому руководству с просьбой об оказании помощи оружием и техникой. В тот момент в Афганистане сложилось критическое положение – власть могла в любой момент перейти к оппозиции. Мятежники захватили ряд провинций, в том числе и на севере, на границе с Советским Союзом.

Было принято решение передать правительственным войскам большое количество оружия и боеприпасов. Все это хранилось на территории огромных армейских складов, находившихся в приграничном афганском городе Хайратон. Оружие и боеприпасы были оставлены 40-й армией в ходе вывода войск из ДРА. Доставить его напрямую афганским правительственным

силам было невозможно, так как все дороги южнее Хайратона оказались перехвачены вооруженной оппозицией.

Было решено загрузить оружие и боеприпасы в Хайратоне, перевезти по советской территории в район Нижнего Пянджа и затем паромами в афганский порт Шерхан – и уже там осуществить передачу афганским правительственным силам, воевавшим в районе Кундуза. Для этого в Пянджском пограничном отряде была сформирована колонна, в которую вошло до шестидесяти машин. Старшим колонны был назначен зампотех Пянджского отряда майор Вододя Насекин.

Колонна двинулась по советской территории в Термез, затем через Мост Дружбы проследовала в Хайратон. Там на складах машины под завязку загружались оружием и боеприпасами. Кроме того, там же расконсервировались БТР, БМП и артсистемы, которые также направлялись афганским войскам, воевавшим под Кундузом. Когда погрузка была закончена, колонна отправилась к Нижнему Пянджу, где имела паромная переправа. По дороге не обошлось без происшествий. Один из водителей БМП заснул на ходу (колонна вышла рано утром), и машина рухнула с моста. Несмотря на аварию, колонна прибыла в Нижний Пяндж, где благополучно разгрузилась и передала боевую технику.

Затем весь процесс повторился. Колонны стали ходить на регулярной основе. Учитывая происшествие с БМП, их было поручено возглавлять начальнику отряда либо начальнику оперативной группы. У начальника отряда на тот момент и так было полно забот, водить колонны было поручено мне.

Отобрали наиболее подготовленных водителей. Добились, чтобы во всех звеньях была отличная связь – для качественного управления. Продумали систему привалов по маршруту движения и выставления регулировщиков.

Поначалу колонны заходили в Хайратон с минимальной численностью личного состава – три офицера, водители грузовиков, а также боевой техники. Но так получалось, что наши действия на афганской территории никто не прикрывает! Между тем один склад находился на расстоянии двух – трех километров от другого. Душманы могли в любой момент напасть на колонну и перебить всех, кто в ней был. На базе Пянджской ДШМГ была создана рота охраны, и она успешно осуществляла безопасность колонны.

Всего за 1990–1991 годы мне довелось провести более двадцати колонн. Благодаря этой помощи правительственные войска смогли отбить наступление противника, а Наджибулла продержался у власти еще два года. Лишь в 1992 году оппозиция смогла захватить Кабул.

Всем, кто оказывал эту помощь афганскому правительству, обещали дополнительное финансовое вознаграждение за каждую такую поездку на ту сторону. Но очень быстро эти обещания позабылись. Так что, получается, помощь была оказана безвозмездно.

В том же 1991 году, несмотря на рост напряженности, было принято решение о сокращении в Пянджском отряде мангрупп, выведенных из ДРА. Оставили только одну из них. Была сокращена и оперативная группа. Таким образом, я остался не у дел. Нужно было искать новое место службы. В ответ на мой рапорт из Москвы пришел ответ. Мне предлагали место в Чите, в отделе охраны границы, либо на Чукотке – должность заместителя начальника отряда. Я подумал и выбрал Чукотку: экзотика как-никак.

Николай Троян

Последний год существования Советского Союза стал преддверием надвигавшегося безвременья, последовавшего за развалом великого государства. Безостановочно нараставшее на рубежах напряжение в апреле 1991 года вылилось в кровавые события на участке заставы «Хумлы». Они во многом повторили ситуацию 5 июня 1980 года, когда здесь же, в Тахта-

Базарском отряде, погиб молодой коммунист, секретарь комсомольской организации заставы ефрейтор Анатолий Река, принявший на себя огонь душманов.

Утром 4 апреля начальник 13-й заставы старший лейтенант Иван Владимирович Мордовец поставил пограничному наряду заставы приказ на охрану государственной границы СССР. В состав наряда входили: старший наряда командир отделения сержант Андрей Герасимчук, секретарь комитета ВЛКСМ заставы ефрейтор Игорь Степанов, водитель рядовой Игорь Дуденко, курсанты школы сержантского состава Сергей Рыбников и Вадим Торчило.

Проверяя КСП, наряд на автомобиле проследовал до стыка с соседней заставой. Здесь военнослужащие должны были выполнить дополнительную задачу – очистить от травы сигнализационную систему в районе Соленой щели.

В 11.30 пограничный наряд был внезапно обстрелян огнем из автоматического оружия. Бандиты стреляли из засады, тщательно замаскировавшись. Первым погиб курсант Вадим Торчило. Рыбников, раненный в ногу, пытался укрыться в складках местности и изготавиться к бою. Сосредоточив на себе внимание налетчиков, Сергей дал возможность остальным вступить в бой с наиболее выгодных рубежей. Сам открыть огонь он не успел – очередная пуля попала в голову.

За свой самоотверженный поступок Сергей Рыбников был посмертно представлен к награждению орденом Красного Знамени. Однако награда была вручена его матери Наталье Николаевне Рыбниковой лишь спустя 28 лет после выхода указа о награждении. 31 августа 2019 года она получила орден из рук начальника Пограничного управления ФСБ России по Карачаево-Черкесской Республике генерал-майора Юрия Кудрявцева.

Участники боя на участке 13-й пограничной заставы Тахта-Базарского пограничного отряда. Слева направо: ефрейтор Игорь Степанов, сержант Андрей Герасимчук, рядовой Игорь Дуденко

Остальные пограничники сумели укрыться, вызвать подмогу и открыть ответный огонь. Один из бандитов был убит, остальные дрогнули и побежали. Сержант Андрей Герасимчук организовал преследование нападавших.

Вскоре к месту боя прибыли резервы заставы и отряда. В воздух были подняты вертолеты. Этим силам удалось задержать 8 нарушителей границы, у которых были изъяты два автомата, большой запас патронов и 13 тысяч афгани...

Курсанты Сергей Николаевич Рыбников и Вадим Анатольевич Торчило прослужили в пограничных войсках всего полгода. Призванные в Тахта-Базарский пограничный отряд, они проявили себя еще на учебном пункте и вскоре были рекомендованы в школу сержантского состава. Спустя три месяца оба прибыли в родной отряд на стажировку, в ходе которой и погибли в бою.

Русский из Ставрополя и украинец с Волыни – они были одними из последних защитников государственной границы Союза Советских Социалистических Республик, погибших на боевом посту.

Василий Масюк

Безусловно, самым тяжелым периодом службы я бы назвал тот, что связан с развалом Советского Союза. С ноября 1989 года по 22 июня 1992 года я проходил службу в Мургабском погранотряде Среднеазиатского пограничного округа. Находился на должностях заместителя начальника политотдела, начальника политотдела и заместителя начальника погранотряда. Именно в тот период мне было досрочно присвоено воинское звание подполковник – за выполнение специальных заданий руководства КГБ СССР по локализации межнационального конфликта в Ошской области Киргизской ССР.

С началом трагических событий в Ошской области личный состав Мургабского погранотряда был задействован для локализации этого конфликта. Был создан отряд специального назначения, который мне поручили возглавить. Сама специфика службы и умение опираться при охране границы на местных жителей помогала нам, пограничникам, выстраивать отношения с населением, учитывая его религиозные, национальные и межэтнические особенности. Я достаточно быстро разобрался в обстановке, определил приоритеты в работе с духовенством, старейшинами и молодежью.

В течение двух недель специальному отряду удалось полностью локализовать и прекратить междоусобицу. Иногда приходилось рисковать и балансировать на грани разумного, принимать рискованные решения – лишь бы не лилась кровь. Сейчас об этом вспоминаю, а по спине холодок пробегает. Приходилось идти одному и без оружия навстречу разъяренной толпе, вести переговоры, убеждать, находить консенсус. При этом я сам был без оружия и запрещал подчиненным использовать его. Применять оружие даже в критической обстановке по гражданским – значит дать повод к эскалации конфликта со всеми вытекающими последствиями.

Помнится, тогда мой заместитель майор В. В. Шевченко, прошедший Афган боевой офицер, открыто мне заявил, что больше ни при каких обстоятельствах со мной «на боевые» не пойдет. Он считал, что идти в толпу обкуренных и пьяных вооруженных людей может только ненормальный.

Василий Масюк

В Военно-политической академии им. В. И. Ленина нас многому учили, но не такому. Приходилось на ходу овладевать новыми формами и методами агитации и пропаганды. Это позволило нашему отряду остановить крупные массы людей, выдвигавшихся в составе автоколонн на столицу Киргизии город Фрунзе. Не только остановить, но и убедить добровольно сложить оружие, вернуться к домашним очагам.

Тот межнациональный конфликт между киргизами и узбеками напрочь перечеркнул все бывшие советские постулаты братства и единства народов, вскрыл всю келейность и оторванность местных партийных и советских органов от проблем, чаяний и настроений населения области. Офицеры и прапорщики, недавно прошедшие через горнило Афганистана, задавались вопросом: как такое могло произойти? Говорили о братстве народов, коварной руке Запада, преждевременном выводе войск из ДРА. Тогда мы не понимали и не осознавали, какая судьба в скором будущем уготована великой стране – Союзу Советских Социалистических Республик. Еще надеялись на реформы и стабильность внутри КПСС, да и в стране в целом. Но маятник «перестроечных» процессов на развал страны был запущен и раскачивался все сильнее и сильнее.

Территориально находясь в ГБАО³ Таджикской ССР, мы, офицеры-пограничники, внимательно отслеживали все происходящее в стране и на ее границах. Было очевидно, что в республике витает идея государственной независимости Таджикистана.

Виктор Неробеев

Коротким было затишье после вывода из Афганистана нашего воинского контингента. Буквально через пару лет после афганской войны пожар гражданского конфликта перекинулся уже в Таджикистан. Массовые беспорядки в феврале 1990 года начались на межнациональной почве и фактически стали прелюдией к гражданской войне два года спустя.

Предысторией конфликта стали массовые армянские погромы в Баку. Несколько армянских семей, всего 39 человек, из Баку бежали к родственникам в Душанбе. Вскоре по городу распространились слухи, что до 5000 армян – беженцев из Азербайджана переселены в Душанбе и им распределяются квартиры в новостройках массива «Заравшан», хотя в столице был острый дефицит жилья. Хотя о выделении квартир вопрос не стоял, а спустя некоторое время они покинули республику. После распространения слухов возле здания ЦК КП Таджикистана собралось более 4000 человек. Уже на следующий день выкрики «Долой армян!» сменились требованиями «Долой Махкамова!» (первого секретаря ЦК КП). Демонстранты прорвались в здание и подожгли его. К вечеру в ответ на открытие огня милицией холостыми патронами начались поджоги ларьков, погромы магазинов. 13 февраля в Душанбе прекратили работу практически все госучреждения, магазины, транспорт. Беспорядки переросли в погромы улиц и кварталов города, сопровождалась массовым насилием и убийствами русскоязычного населения (русских, немцев, татар, евреев, корейцев).

---

³ ГБАО – горно-Бадахшанская автономная область.

Отец и сын Виктор и Алексей Неробеевы

Разнузданная толпа, круша все на своем пути, убивая и насилуя, двинулась от здания ЦК к аэропорту с целью его захвата, в воздух были подняты вертолеты полка, а военнослужащие с оружием в руках перекрыли дорогу к аэропорту и не дали толпе уничтожить стратегический объект.

Мирные жители, при полном отсутствии помощи со стороны властей и правоохранительных органов, спасая свои семьи, создавали отряды самообороны. Это был поразительный опыт самоорганизации мирного гражданского населения.

Для наведения порядка в город пришлось перебросить около 5000 военнослужащих МО и МВД с приказом открывать огонь на поражение, был введен комендантский час. В результате беспорядков было убито 25 человек и 565 ранено.

К городу стали выдвигаться колонны, точнее, большие толпы людей из провинции. Они шли по трем основным маршрутам, которыми были:

- западный маршрут: пос. Октябрьский – Гиссар – Душанбе;
- южный маршрут: Куляб – Курган-Тюбе – Душанбе;
- восточный маршрут: Хорог – Орджоникидзебад – Душанбе.

В первые дни этих выступлений в городе обстановка за несколько часов резко изменилась. Душанбе стал неузнаваем. На улицах появились машины без номеров с исламскими флагами. Толпы людей сметали на своем пути все, громили лавочки и магазины, били окна домов. Избивали попадавших на их пути людей независимо от национальности, насиловали женщин. Я позвонил на работу жене, та сообщила, мол, нас отпускают с работы, домой буду добираться маленькими улочками, там их пока нет. Руководство республики вышло с ходатайством в Оперативную группу, чтобы авиаполк выполнял разведывательные полеты по основным маршрутам движения, отслеживая передвижения исламистов, чтобы на подходе к городу разгонять их силами милиции. Мы стали парами барражировать над городом и вдоль основных шоссе дорог. Активность исламистов сразу резко спала.

Был такой случай: из Орджоникидзебадского Управления КГБ звонят:

– Командир, помогите нам, кроме вас, никто не выручит. Толпа людей осаждает наше управление, могут пойти на штурм.

Подполковник Дятлов поднимает в воздух пару Ми-24:

– Ребята, выйдите в район и подумайте на месте, чем можете им помочь.

Время шло к вечеру, наступили сумерки. Пара вышла на бреющем в район и увидела то, что передали по телефону. Толпа не расходится, ведет себя агрессивно. В сторону здания Управления летят камни, бутылки, все, что имеется под руками. Недолго думая, пара набирает высоту примерно 1000 метров и начинает круто пикировать на толпу, на высоте 500 метров оба вертолета включают по команде посадочные фары. Узкие лучи от фар накрывают толпу, они как бы впиваются в нее. В толпе начинается паника, люди начинают разбегаться.

Массовые беспорядки в Душанбе. 1990 год

На следующий день начальник отдела звонит командиру и благодарит за помощь, а в конце добавляет:

– По городу пошли слухи, что вертолетчики применили по толпе лазерное оружие. Владимир Иванович, вы там негласно тихонечко пустите слушок в массы, мол, у нас есть и более серьезное оружие, если понадобится, применим!

Сил для наведения порядка у правительства явно не хватало. Бесчинства и погромы продолжались с нарастающей силой. Жители микрорайонов поняли, что их, кроме самих себя, в этот период никто не защитит. Как на дрожжах в микрорайонах самостийно начали формироваться отряды самозащиты. Они сами избирали старшего отряда и беспрекословно выполняли его требования. Подходы к микрорайонам блокировались баррикадами, на которых постоянно, днем и ночью, дежурили бойцы отряда. По их сигналу в случае возникновения опасности, как по тревоге, на баррикады выдвигались боеспособные жители. Это сыграло свою положительную роль. Оппозиционеры не желали связываться с жителями микрорайонов, они боялись народного гнева, да и отпора, который могли получить.

Наш дом находился рядом с пересечением улиц Айни и Аэропортовской. До аэропорта от нашего дома было не больше километра. В этом районе наш дом являлся единственным многоэтажным, 12 этажей, вокруг него располагались частные одноэтажные дома. Поэтому здесь самооборону организовать было практически невозможно. Жители дома сами, в одиночку решили оборонять свой дом, свои семьи. Я постоянно был в части, по этим соображениям не участвовал в данных мероприятиях. Однажды после службы, где-то примерно в 23.00, возвращаюсь домой. Подошел к центральному входу в дом, хотел войти, но металлическая дверь оказалась заваренной изнутри. Обошел дом, там была запасная дверь, она тоже закрыта. Слышу, с балкона третьего этажа, расположенного на лестничной клетке, кто-то спрашивает: «Ты кто и что тебе здесь надо?» Я объяснил, что живу в квартире на 3-м этаже. В темноте человек меня не узнал. Спустившись вниз, он открыл мне дверь. Когда я зашел в квартиру, жена рассказала мне, что здесь произошло за день моего отсутствия.

Жители узнали, что большая толпа движется в сторону Душанбе с окраины. Наш дом был на их пути. Жители моментально собрались на площадке около дома и решили подстраховаться от бесчинствующих молодчиков. Укрепили входные двери дома, на лестничную площадку с балконом натаскали кирпичей. Там же поставили емкости с горячей водой. Все это предназначалось на случай отражения штурма дома. Ближе к обеду жена увидела такую картину. В доме жил офицер дивизии, которая размещалась в Душанбе. Он приехал на грузовой машине с солдатами и начал в нее грузить свои вещи. Жители дома увидели эту картину, организованно спустились вниз, все его вещи занесли снова в квартиру и сказали:

– Ты должен нас защищать, а удираешь от нас первым. Семья твоя будет находиться дома, а ты лучше подумай, как ее и нас защитить!

Эти же люди пришли к моей жене с расспросами, не собираемся ли мы тоже эвакуироваться. Жена успокоила их, сказала, что я летчик и постоянно летаю над городом. Кстати, мол, завтра вы убедитесь, что это так, он покрутится над нашим домом, а если будет всем нам очень трудно, то на плоскую крышу дома высадит подкрепление. Это их успокоило.

На следующий день я в составе пары полетел на облет города, перед этим позвонил жене, сказав, что примерно в 12 часов буду пролетать в районе дома. В указанное время жильцы дома находились на своих балконах и ждали моего прилета. Подлетев к дому, на малой скорости облетел вокруг него и завис напротив своей квартиры. Было видно, как жильцы махали мне руками. На следующий день ко мне пришла целая делегация жителей дома с вином и закуской, они благодарили меня, говорили, что теперь будут спокойны, зная, что помощь им придет вовремя. Ты, мол, ничего не делай по дому, мы обойдемся без тебя, организуем оборону и дежурство. Ты лучше отдыхай и охраняй нас с воздуха. После этого случая все жители от мала до велика здоровались со мной и моей женой, мы стали узнаваемы и уважаемы в этом большом многоквартирном и многонациональном доме. Несмотря на меры безопасности, принятые в доме, в квартире пришлось тоже их предпринять. Нашел нужные бруски, сделал на полу упор, с помощью которого закрепил надежно изнутри подпорку. Теперь снаружи дверь не вышибешь и не сорвешь с петель и запора.

В этот период труднее всего было семьям офицеров и прапорщиков. Они были с детьми одни, мужья были в части с 6 утра до 10 вечера. Конечно, барражирование над городом и прилегающими окрестностями к нему было нашей второстепенной задачей, которую выполняли свободные от службы на границе экипажи. Порядок прибытия в часть и убытия был такой. Разработаны были маршруты движения автотранспорта. Утром офицеры и прапорщики выходили в указанные для посадки места, где останавливалась колонна и забирали их. Колонна состояла из нескольких автобусов и бортовых машин. Возглавлял колонну дежурный офицер, сзади колонны шла машина прикрытия, в которой находился личный состав с автоматами на случай непредвиденных ситуаций. Таким же был порядок доставки личного состава домой. Меры предосторожности сыграли свою положительную роль, на колонну нападений не было.

Обстановка в республике продолжала оставаться сложной. Тогда правительство страны для стабилизации обстановки приняло решение направить в Душанбе часть Витебской десантной дивизии. Рано утром окрестности Душанбе наполнились шумом моторов тяжелых транспортных самолетов Ил-76. Они заходили один за другим с коротким интервалом, заруливали на стоянки аэропорта, быстро выгружали легкую бронетехнику и десантников и улетали за новой партией. Работал воздушный конвейер. Одни взлетали, другие тут же садились. Такой интенсивности полетов аэропорт никогда не видел. У командования дивизии был на руках разработанный план размещения десантников в городе. С аэродрома на своей броне они выдвинулись и перекрыли подходы к городу, взяли под охрану правительственные здания и наиболее важные объекты города. Жители города с восторгом встречали десантников. Командование части постоянно контактировало с командованием прибывших десантников, которые с теплотой отзывались о гостеприимном населении города. Нам своих десантников можно было не

кормить, их на довольствие взяли жители тех микрорайонов, где находились десантники. Их никто об этом не просил, питание у нас было обеспечено нормально. Но хлебосольные женщины, среди которых были русские, таджики, узбеки, украинцы и другие, несли бойцам кто что мог. Это была неподдельная радость, настоящее всенародное проявление любви к нашей армии. В армии простой народ на деле увидел своих защитников. Кстати, пока в городе были десантники, не припоминается такого, чтобы они вступили в конфликт с населением или кого-либо обидели.

Принятые правительством меры позволили выправить обстановку в республике. Восстановился порядок в городе, в обычном режиме начали работать государственные учреждения, открылись магазины. Критерием спокойствия на Востоке являются рынки и базары. В период смутного времени они мгновенно опустели. И по тому, как началась там бойкая торговля, стали слышны привычные возгласы продавцов, зазывающих к себе покупателей, шум и смех, становится ясным, что все встало на свои места, жизнь входит в свое привычное русло.

Брошенный рубеж

В декабре 1991 года в Алма-Ате, отвечая на вопросы о государственной границе, президент Российской Федерации Борис Ельцин сообщил, что планируется создание специального комитета, в задачи которого и войдет охрана государственной границы стран Содружества. Однако решение затянулось, в результате чего рубежи бывшего Советского Союза с правовой точки зрения оказались в «подвешенном» состоянии. Как и пограничники, их охранявшие, которые не имели права применять оружие либо как-то иначе использовать силу на территории суверенных государств. По сути, заставы и отряды могли охранять только самих себя.

Особенно аховая ситуация складывалась в Средней Азии. КС АП О фактически распался по территориальному признаку на туркменскую, узбекскую и таджикскую части.

После обретения Таджикистаном независимости в 1991 году пограничники продолжали охранять таджикско-афганскую границу протяженностью в 1300 километров, которая проходит по реке Пяндж от вершин Памира до Центральноазиатской равнины. Они еще не стали российскими, но и советскими уже не были.

Группировка пограничников в начале 1992 года включала Оперативную группу «Душанбе» бывшего КСА-ПО (в/ч 9998) и пять пограничных отрядов: Термезский (в/ч 2099), Пянджский (в/ч 2066), Московский (в/ч 2033), Хорогский (в/ч 2022), Ишкашимский (в/ч 9878). Также в ее состав входили: отдельный авиаполк (в/ч 9809), госпиталь (в/ч 2025), учебный центр (в/ч 2421), отдельный батальон связи (в/ч 2014), отдельная база снабжения и хранения (2445). На самом востоке Таджикистана, в Памирском высокогорье, находился Мургабский пограничный отряд (в/ч 9820), который до декабря 1991 года входил в состав Восточного пограничного округа (КВПО). Однако после распада СССР его правовой статус оказался неопределенным.

Как и во всех странах, в Таджикистане были созданы собственные пограничные структуры, но бывшие советские пограничники не спешили передавать им границу и инфраструктуру, присматриваясь, какая из многочисленных политических группировок одержит верх. Бронетехника, склады с оружием, продовольствием, вещевым имуществом – все это легко могло стать топливом для гражданских вооруженных конфликтов.

Если в Туркменистане и Узбекистане околполитические бурления и неопределенность быстро сошли на нет, то в Таджикистане ситуация стремительно ухудшалась. Пришедший к власти после отставки Кахора Махкамова новый президент РТ Рахмон Набиев в условиях сильнейшего политического и экономического кризиса пытался не допустить раскола в республике, однако ситуация ухудшалась день ото дня.

26 марта 1992 года в Душанбе началось массовое противостояние сторонников правительства и оппозиции на площадях Озоди (свобода) и Шахидон (от слова «шахид» – мученик, площадь была названа в честь погибших в ходе беспорядков февраля 1990 года). Основу оппозиции составляла Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ), выступавшая за построение исламского государства. Исламистов активно поддерживал глава духовного управления мусульман республики Ходжи Акбар Турадзонзода. Также в ее состав входили движения «Растохез», Лали Бадахшан, Демократическая партия. Оппозиционеры требовали немедленной отставки президента Рахмона Набиева, бывшего первого секретаря ЦК компартии Таджикистана.

5 мая оппозиция захватила президентскую резиденцию. Душанбе, а затем и вся страна были ввергнуты в анархию. Все стороны принялись грабить склады с оружием и военной техникой. При этом все стороны конфликта стремились так или иначе использовать бывшие советские части, большинство из которых, включая те, что принадлежали 201-й дивизии и пограничникам, не имели четкого правового статуса.

Находившаяся в столице республики оперативная группа бывшего Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа (КСАПО) в течение 1992 года занималась вопросами охраны границы с Афганистаном, что называется, на одном энтузиазме, без поддержки из Москвы, которая занималась решением своих политических проблем. Возглавлявший ее генерал-майор Анатолий Мартовицкий поставил перед подчиненными простую задачу: сохранить личный состав, боевую технику и вооружение, продолжать надежно охранять порученные участки в пределах существующих пограничных отрядов, принимать меры по недопущению нарушения границы независимо от политической окраски нарушителей.

Все стороны так или иначе пытались либо перетянуть пограничников на свою сторону, либо устранить их как досадное препятствие на границе с Афганистаном, из которого в Таджикистан шел постоянно нараставший поток оружия, боеприпасов и наркотиков.

Во время проведения многодневных митингов у вице-премьера Н. Дустова прошло совещание руководителей силовых ведомств республики. На совещание был приглашен и начальник Оперативной группы генерал-майор Анатолий Мартовицкий. Ему как руководителю Оперативной группы было предложено выступить на стороне тогдашнего правительства Таджикистана. Однако Анатолий Нестерович отказался это делать, не желая втягиваться во внутренний таджикский конфликт, поскольку вверенные ему части на тот момент не имели четко очерченного правового статуса. Запросы, направляемые в Москву либо в Ашхабад – в штаб КСАПО, оставались без внятного ответа.

Виталий Грицан

В конце 1991 года произошел распад Советского Союза. Каждый следующий день приносил какие-то новые известия, чаще всего не особо хорошие. Появились национальные пограничные структуры. При этом раздел советского наследия происходил хаотично и во многом бессмысленно. Например, две заставы, дислоцированные в Алтайском крае, входили в состав Восточного пограничного округа (при Союзе так делали специально, чтобы вражеским разведкам не было понятно, где находятся стыки округов). После развала СССР эти заставы оказались на территории Российской Федерации. Но при этом они не вошли в состав российского пограничного ведомства, а оказались подчинены погранведомству Казахстана. Чиновники в Москве даже не удосужились посмотреть на карту. В результате заставы оказались без снабжения и управления.

Когда я позвонил по этому поводу в Москву, тамошние чиновники попросту накричали, мол, нечего из Алма-Аты нам указывать! Я им возразил: «Хотите подарить участки эти застав Казахстану?» Это возымело действие, извинились и поинтересовались: как же решить эту проблему? Я предложил создать совместную комиссию и произвести передачу по актам, как положено, предложив желающим выбрать страну для дальнейшего прохождения службы.

Очень быстро ситуация с разделом стала развиваться совершенно непредсказуемо: военнослужащие, не желая дожидаться дипломатических решений, покидали свои заставы, дезертировали. В один из дней мне позвонил один генерал – начальник оперативно-войсковой группы в Республике Кыргызстан. Сообщил, что проходившие службу на Памире российские солдаты-срочники выдвинули требование вернуть их на Родину. Они сдали оружие, погрузились в машины и отправились в город Ош. «Что делать? – вопрошал генерал. – Они же дезертиры?!»

Я предложил не пороть горячку и разбираться в происходящем. Оказалось, что застава Мургабского пограничного отряда, где служили солдаты, отошла Таджикистану. При этом со стороны Таджикистана перевалы были закрыты, снабжение не велось, личный состав попросту голодал. Не выдержав лишения, солдаты приняли решение вернуться на Родину, сели в машины и двинулись по серпантинам вниз, в сторону Киргизии.

На оперативном совещании, состоявшемся по этому поводу, нашлись такие горячие головы, которые предлагали выставить заслоны, задержать «дезертиров», арестовать их и судить. Но я тогда сказал: ни в коем случае нельзя так поступать! Кому эти российские парни там, на Памире, служат – Таджикистану, Кыргызстану или России? Нужно ребят встретить, накормить, оформить или восстановить все необходимые документы и отправить домой, в Российскую Федерацию. Чтобы решить эту проблему, не нужно ни с кем советоваться, все решается на уровне оперативно-войсковых групп. Добавил, что лично поеду их встречать – и никто меня не остановит. Пришлось с некоторыми начальниками тогда поругаться, но в итоге моя точка зрения возобладала – и солдат отправили по домам.

Тогда перед многими военнослужащими стояла эта дилемма: с какой страной связать свою судьбу? Некоторые разъехались по национальным квартирам – на Украину, в Белоруссию, в Азербайджан и так далее. Многие сослуживцы перешли на службу в пограничные структуры Казахстана. Я принял решение служить России.

Но, к сожалению, из далекой Москвы ничего утешительного не сообщалось. Не сказать, что нас тогда бросили, но постоянно говорили «подождите». Потом – снова «подождите». И снова. Так, в пустых обещаниях прошел почти год. Никакой ясности, что же будет дальше, не было. С другой стороны, власти Казахстана активно перетягивали офицеров в свои пограничные структуры. Как-то президент Нурсултан Назарбаев собрал нас, российских генералов, и очень корректно сказал: «Не беспокойтесь, мы хорошо вас знаем. Вы ни в чем не будете ущемлены. Мы будем рады, если кто-либо из вас свяжет свою судьбу с Казахстаном».

Кто-то согласился служить в Казахстане, но большинство понимало: не для того эта страна обрела независимость, чтобы в ее погранвойсках командовали украинцы вроде меня. Поэтому когда предложили должность в Таджикистане, я согласился. Тем более московские кадровики пригрозили: если откажетесь, мы исключим вас из списка личного состава... Пришлось согласиться. Так я стал начальником оперативной группы Пограничных войск России в Республике Таджикистан. Я был первым, кто возглавил этот непростой пост.

Василий Масюк

После распада Советского Союза изначально отказался от перевода на Украину, хотя на всех офицеров-украинцев пришло распоряжение на откомандирование. Мне была предложена должность начальника вновь формируемого пограничного отряда в Березино, на границе с Молдавией. Не давала покоя сама мысль, что я, офицер, должен присягать повторно. С этим смириться никак не мог. Поэтому остался верен присяге. В последующем, уже когда я был начальником Московского ПОГО, учился в академии Генерального Штаба ВС РФ, то не раз получал предложения вернуться на Украину и продолжить службу в тамошних пограничных структурах или в ВСУ. Ответ мой всегда был один: «Я присягу принимал один раз».

Выбор этот был непрост не только для меня. Многие не понимали: что же теперь им следует защищать в Средней Азии, ради чего рисковать? Это касалось не только офицеров, но и сержантов, рядовых. Порой это непонимание приводило к опасным инцидентам, один из которых пришлось улаживать лично мне.

В один из дней первой половины 1992 года я находился на стрельбище 4-й заставы Мургабского отряда. Шла плановая проверка служебно-боевой деятельности подразделения – проводились боевые стрельбы и боевое гранатометание. Где-то в 11.30 дежурный по заставе доложил мне: звонил оперативный дежурный отряда. Передал команду начальника отряда полковника В. Е. Авдонины, чтобы я срочно вышел на связь.

Авдонин был краток и немногословен – приказал срочно прибыть в управление отряда. В рабочем кабинете командира находились все его заместители. Информация, которую довел до нас начальник, была шокирующей: в соседнем Хорогском ПОГО группа военнослужащих

численностью в 92 человека захватила четыре единицы автотранспортных средств и следует по Памирскому тракту через зону ответственности нашего отряда в сторону города Ош. Приказ вышестоящего командования округа и оперативной группы в Душанбе остановить беглецов и вернуть их в Хорог.

В подобной ситуации никто из присутствующих еще не был. Командир предложил каждому из замов доложить свое предложение. Вариантов действий было не так уж и много. Все отчетливо понимали, что в сложившейся ситуации нужно задействовать весь личный состав и боевую технику отряда, выставить блокпосты от застав и комендатур, строго соблюдать меры безопасности. А самое главное – определить линию поведения при выполнении такой несвойственной задачи.

Командир молча заслушал доклады, делая пометки в своей рабочей тетради. Внешне он был спокоен и уравновешен, но во всем этом чувствовались его внутренняя напряженность и усталость. Дошла очередь до меня. Я предложил:

– Товарищ полковник! Прошу вас поручить проведение операции мне. Первое: предлагаю на удалении 9 км от гарнизона отряда, в районе каньона (680-й километр тракта), выставить пост, который я и возглавлю. Особенность участка дороги позволяет, перекрыв дорогу БМП, лишить колонну с беглецами какого-либо маневра. Дальше установим живой контакт с личным составом и будем действовать по обстановке. Для выполнения этой задачи мне необходима БМП-1 с экипажем. Состав экипажа прошу разрешения определить самостоятельно. Оружие не брать. Связь поддерживать по бортовой радиостанции. Нужно накормить беглецов, организовать их отдых и попытаться разобраться во всем происходящем.

Мое предложение получило одобрение. Прибыв на место, я внимательно осмотрел прилегающий к тракту участок местности. По замыслу, поставленная поперек дороги БМП лишала здесь любой транспорт маневра и объезда. Это было идеальное место устройства засады. Однако я засаду устраивать не собирался. Речь шла о солдатах-пограничниках, своих, родных. Интуиция подсказывала, что в создавшейся ситуации что-то не так!

Имея за плечами срочную службу и хорошо зная солдатскую душу, я с трудом верил, что бойцы решились на столь отчаянный и дерзкий поступок, не имея на то веских причин. Но я понимал и другое: среди беглецов имеются лидеры, 1–2 человека. Они наверняка ведут за собой остальных. И если с первых минут я не установлю контакт с бойцами и не выявлю лидеров, то все пойдет насмарку!

Примерно в 14.30 на дороге показались два автомобиля ЗИЛ-130. За 50–60 метров до нашего поста они сбавили скорость и подъехали вплотную к БМП, перегородившей путь. За рулем сидели гражданские водители – вольнонаемные из отдельного автомобильного батальона, дислоцировавшегося в городе Ош. Они сообщили, что в районе старой крепости видели автоколонну и военных, которые заправлялись водой и купались. Из это следовало, что в течение ближайших 40–50 минут колонна с дезертирами может выйти на нас. Отогнав в сторону БМП и пропустив ЗИЛы, я вновь «закупорил» дорогу. В 200 метрах от поста, на пригорке, разметил пост наблюдения с радиостанцией.

В предполагаемое время в поле зрения появилась головная машина – ЗИЛ-131 из состава колонны. Она шла с довольно высокой скоростью – 80–90 километров в час. Я вышел на дорогу перед постом и, сев прямо на дорожное полотно, закурил. Автомобиль остановился на обочине в 30 метрах от меня. При этом водитель двигатель не выключал. Было слышно, как в кузове недовольно зароптало множество голосов.

Из кабины вышли два человека и направились в мою сторону. Я поднялся им навстречу и, приложив руку к головному убору, представился:

– Майор Масюк, заместитель начальника политотдела Мургабского погранотряда. Представьтесь – кто вы и какова цель вашего здесь пребывания?

Передо мной стояли два рослых сержанта славянской наружности. Крепко сбитые парни, явно прошедшие спецотбор. У них отсутствовали внешние признаки агрессии. Держались и говорили парни спокойно, но сразу стало ясно: разговор будет непростой, поэтому я с ходу применил своего рода «психологический хук»:

– Товарищи сержанты! С этой минуты я ваш командир, можете целиком и полностью положиться на меня. Я не знаю всех обстоятельств произошедшего, но сейчас моя задача – помочь вам и всем остальным. Как ни крути, вы нарушили и переступили закон, нарушили требования уставов. Уйти через пять перевалов вам будет нелегко. Смею заверить, что вас переловят и повяжут как щенков. Суд будет строг и беспристрастен. Подумайте о себе и родителях. Я беру на себя ответственность во всем разобраться, дать возможность дослужить вам в нашем отряде и с чистой совестью демобилизоваться. Сейчас предлагаю совершить марш на стрельбище нашего отряда, где для вас подготовлено расположение. А теперь соберите всех и доведите до них все, что я вам сказал. Кругом, шагом марш. И без глупостей!

Я отчетливо понимал, что многое из сказанного мною выходило за рамки моих полномочий, но выбора у меня не было.

Выслушав меня, сержанты молча развернулись и пошли к машине. Тут к посту подошла основная часть колонны. Из машин с гамом сыпанули дезертиры. Тут я воочию убедился, что это была добрая сотня пограничников. Было видно, как сержанты довели до них мои слова. Разбившись на кучки, беглецы курили, совещались. Особо выделялась группа из десяти человек, стоявшая у головной машины, в основном сержанты. Совещались довольно долго. Внутри меня до предела выросло напряжение, но я старался не подавать вида.

Наконец от «сержантской» группы отделились четверо. Пойдя ко мне, они привычно стали в шеренгу. Один из них было заговорил, но я прервал его:

– Для начала представьтесь!

Сработали механизмы дисциплины, скрытые в каждом военном человеке, и сержант четко, как положено, доложил:

– Сержант Гордиенко Иван Абакумович.

– С Украины?

– Так точно!

– Значит, мой земляк.

– А вы..?

– И я с Украины. В 1974 году призвался на срочную, училище, академия – и вот сейчас здесь прохожу службу.

– Вы с каких мест? – последовал уточняющий вопрос.

– С Черкащины, Звенигородский район, город Ватутино.

Эта информация словно разрушила стену между мной и этими четверыми. Сержанты заговорили, стали рассказывать о себе. Оказалось, что они были призваны с Украины, РСФСР и Прибалтики.

– Не может быть! Чудеса. А я с Олыпаны, – затараторил Гордиенко. Это была родина моего отца, где я годами проводил свое детство и знал все как свои пять пальцев. Там проживали мои дядьки, сестры и братья.

За пару минут мы нашли общих знакомых. Оказалось, что мать Гордиенко работает вместе с моей двоюродной сестрой Валею в колхозной бухгалтерии. Действительно чудеса!

Спустя короткое время дезертировавшие бойцы были организованно доставлены в отрядный полевой учебный центр (ПУЦ). Их накормили, помыли в бане, дали отоспаться.

Я решил привести это войско в порядок. Жил с ребятами в одной казарме. Сформировал из них резервную заставу. Сделал так, что каждый их день с утра до вечера был поминутно расписан: проводились занятия, в том числе и по боевой и огневой подготовке.

Вскоре прилетел командующий Оперативной пограничной группой КСАПО генерал-лейтенант А. И. Мартовицкий. Когда после моего доклада он увидел строй заставы, то не поверил своим глазам. Перед ним стояло боеспособное подразделение пограничников, готовое выполнить по моему приказу любую задачу командования.

Спустя какое-то время мне было предложено занять должность начальника Московского отряда.

Сергей Степичев

1992 год начался для Московского отряда тихо-мирно. Я тогда служил на 5-й заставе. В декабре 1991-го распался Союз. Делать нечего, спустили серпастый-молоткастый флаг СССР, а взамен не подняли никакого – поскольку юрисдикции у нас, пограничников, не было никакой. Мы не подчинялись ни России, ни Таджикистану.

В тот момент нами никто не командовал. Что делать – никто не знал. Имеем мы право охранять границу или нет – также было непонятно. Однако несмотря на то, что не было никакого контроля, заставы продолжали высылать дозоры, секреты. Несли службу по усиленному варианту – 12 часов в сутки, без выходных. Делали это скорее по инерции. В голове не укладывалось, как это можно не охранять границу?! Это касалось не только офицеров, но и солдат-срочников, сохранявших еще советскую дисциплину.

Весной в Душанбе возобновились разборки между различными политическими группировками. Кулябские юрчики засели на одной площади – Озоди. Гармские исламисты, вовчики⁴ – на другой – Шахидон. В апреле эти посиделки переросли в гражданскую войну начались убийства. Пограничные подразделения и части в эти разборки не вмешивались, охраняли сами себя. Только на заставы пришла команда выставить вокруг застав сигнальные мины.

В июне 1992 года я принял командование 6-й заставой Московского пограничного отряда. Она называлась «Саяд» и считалась весьма посредственной с точки зрения дисциплины и качества несения службы. Солдаты спали прямо в нарядах.

Собрав бойцов, я сказал им:

– Ребята, вы что делаете? Вас же всех вырежут! Афганистан никуда не делся. Вон он, рядом совсем.

В ответ – угрюмое молчание. Понятное дело, из-за нехватки личного состава люди устали донельзя. Как их привести в чувство, если гауптвахта для таких – хороший отдых? Спи себе 8 часов, никаких тебе ночных дозоров и выездов по «сработке».

Между тем риск погибнуть на границе возрастал с каждым днем. Хотя пограничникам долгое время удавалось оставаться нейтральными, периодически случались столкновения с вооруженными группировками, пытавшимися перейти через границу – перетащить оружие из Афганистана. К сожалению, в одной из таких стычек в июле 1992-го погиб вожатый службы собак 1-й заставы Руслан Николаевич Чудный. Он был родом с Украины, из Одесской области, из городка Балты.

Утренний дозор обнаружил на правом фланге подкоп под «системой». По следам было видно: прошла группа, несли что-то тяжелое. Вышла тревожная группа, начала преследование нарушителей. Как старший вожатый Чудный со своей собакой шел первым. Местность была холмистая. Нарушители затаились на обратном склоне одной из высот и, когда Руслан выскочил на них, открыли огонь. Рана оказалась смертельной. Преследовать ту банду больше не стали. Начальник заставы вызвал вертолеты. Те нагнали бандитов и перебили их с воздуха.

---

⁴ Вовчики и юрчики – так, во время гражданской войны в Таджикистане называли противостоящие стороны. Юрчики – проправительственные группировки, вовчики – оппозиционные группировки.

Вожатый службы собак 1-й заставы
Руслан Николаевич Чудный. Погиб в июле 1992-го.
На фото – слева, в панаме

У офицеров, служивших на границе, летом 1992 года было чувство, что нас оставили один на один со всеми проблемами. Царила подавленность. Большинство военнослужащих жили одним днем.

От чувства безнадежности у людей «рвало крышу», порой они творили такие вещи, за которые при Союзе увольняли сразу же, а то и сажали! Но тут на «залетчиков» командование смотрело сквозь пальцы – их попросту нечем было заменить. Впрочем, большая часть офицеров исполняли свои обязанности как положено, несмотря на все невзгоды. Они были советской закалки и долгое время не могли даже осознать, как можно оставить границу.

В 1992 году в Таджикистане служило немало солдат-срочников из числа россиян. Однако вскоре им пришлось искать замену из числа призванных на срочную службу граждан Таджикистана

Для пограничников самый главный вопрос лета 1992 года был «чьи мы»? Российские или таджикские? О том, чтобы служить в составе таджикских пограничных войск, не было даже и речи. Как-то позвонил Игорь Скатов – начальник службы ГСМ отряда, мой друг. Мы с ним вместе в 1987 году приехали в отряд сразу после выпуска из военных училищ. Спросил, сколько у меня на заставе осталось горючего. Я ему перечислил, затем спросил: зачем ему нужна эта информация? Оказалось, у многих офицеров созрела идея: если нас передадут Таджикистану, выходить на территорию России, пускай даже и с боем.

Впрочем, большинство офицеров и прапорщиков предпочитали покидать отряд более традиционным способом – через перевод. Офицеры с семьями разъезжались кто куда: на Украину, в Казахстан, Белоруссию. В результате первые и пятые этажи пятиэтажек в гарнизоне оказались пустыми, там никто не жил.

В начале лета в отряде начался массовый исход по национальным квартирам. Людей элементарно стало не хватать для охраны границы. Местные жители, заметив, что контроль над пограничным рубежом ослаб, начали контактировать с афганцами, пошла контрабанда.

А поток уезжавших из отряда военнослужащих все нарастал. Прежде гарнизон Московского отряда отличался достаточно комфортными условиями жизни. Там в советские времена были построены пять многоэтажных панельных домов – по шесть подъездов каждый. По сути, это был небольшой город. В ходе афганской войны, когда в части имелся двойной комплект личного состава, он был густо заселен. В квартирах зачастую жило по две семьи. Кроме того, там имелось немало жилых бытовок. Эти вагончики были весьма комфортными: пара комнат, кухня.

После развала Союза военный городок отряда начал стремительно пустеть. С каждым днем все больше офицеров писали рапорты на перевод во вновь появившиеся страны. Оста-

вавшиеся воспринимали это с пониманием. Провожали их, как положено, с застольем. Те, кто планировал служить России, решили, что скоро им предстоит уехать из Таджикистана, стали массово отправлять на историческую родину контейнеры со своими вещами. Об этом узнал тогдашний начальник Московского пограничного отряда подполковник Голинко. Благородная внешность, седая шевелюра – он производил впечатление солидного и знающего офицера.

В один из июньских дней, в пятницу, после читки приказов Голинко произнес яркую и красивую речь. Мол, товарищи офицеры, что за панические настроения? Почему некоторые отправляют в Россию свои вещи? Мы должны защищать рубежи, несмотря ни на что. Завершил свою речь начальник эффектной фразой:

– Я последний покину территорию отряда, обернувшись знаменем части!

Той же ночью к дому начальника отряда подъехали два КамАЗа, которые набили кучей вещей. Их отвезли на станцию Курган-Тюбе, загрузили в вагон. И вскоре подполковник Голинко спешно уехал на Украину, так и не обернувши себя знаменем части.

Хотя большинство «украинцев» до последнего дня несли службу как положено. Например, начальник штаба отряда Сергей Феодосьевич Игнашичев, достойнейший офицер, выполнял свои обязанности в полном объеме и до последнего дня. А не бежал под покровом ночи, как некоторые.

Алексей Неробеев

С получением независимости в Таджикистане обострились межнациональные проблемы. Хотя руководство РТ и старалось их сгладить, но они прогрессировали. Не единожды президент страны через средства массовой информации обращался к русскоязычному населению с предложением оставаться, но оно старалось уехать при любой возможности. Происходила скрытая (а порой и явная) дискриминация русскоязычного населения. В госучреждениях местные старались русских всячески унижить, за глаза называли «оккупантами», показывали, «кто в доме хозяин».

В РТ постоянно ухудшалась не только внутривнутриполитическая, но и экономическая обстановка. Бытовые условия проживания авиаторов нашей части также становились все хуже. По несколько недель подряд были отключены электричество, газ, отопление. Если в теплое время года это как-то компенсировалось жарким климатом, то зимой приходилось попросту выживать. Экипажи, несшие в части или на аэродроме боевое дежурство, постоянно беспокоились по поводу оставшихся дома родных. Возвращаясь поздно вечером в холодные квартиры, они не всегда могли согреться и нормально поесть. Выкручивались как могли. Закупали китайские керосинки, которые давали возможность приготовить поесть и согреться. Для тепла в квартире керосинку оставляли включенной на всю ночь. При этом было важно оставлять открытыми форточки – чтобы не угореть. Это было не лучшим решением: к утру квартира все равно промерзала, а от запаха керосина болела голова.

В Душанбе был введен комендантский час – с 22.00 до 06.00. Это тоже накладывало свой отпечаток на служебно-боевую деятельность полка. Хотя по соглашению между Россией и Таджикистаном местными силовиками не должны были останавливаться и досматриваться машины с российскими военнослужащими, на деле это не соблюдалось. Было много случаев противоправных действий со стороны силовых структур РТ против наших пограничников, вплоть до применения оружия. Кроме того, постоянно сохранялась опасность нападения со стороны боевиков оппозиции. Случались подрывы машин террористами, обстрелы колонн и даже школьных автобусов. В ходе этих терактов погибло немало наших людей. Личному составу в целях личной безопасности выдавалось табельное оружие, но оно спасало далеко не всегда.

Татьяна Михайлова

С содроганием я вспоминаю, как в яркую размеренную жизнь моей семьи, сметая на своем пути дорогие сердцу времена, ворвались события 1991 года: не стало некогда великой державы – СССР.

Тем не менее мои родные духом не падали, скорее всего, от безысходности. Я, мой папа, Наджим Рустамович, мама, Валентина Васильевна, мой сын Максим. Все мы были среди тех, кто ждал, чтобы мир, радость и справедливость все-таки восторжествовали на древней земле таджиков. Ведь для нашей семьи Душанбе давно стал родным домом.

Папа – военнослужащий. Он был переведен в этот город, к новому месту службы, задолго до страшных событий в республике. Отсюда он уезжал в длительную командировку в Афганистан, где выполнял интернациональный долг. За время службы в Душанбе дважды избирался депутатом Железнодорожного районного Совета депутатов трудящихся. Прослужив в Вооруженных силах СССР более 40 лет, принял решение после демобилизации остаться с семьей в красивой столице Таджикистана.

Теплый климат, обилие овощей и фруктов, море цветов – эти плюсы не могли не завораживать. Мама, конечно же, папу в этом выборе поддержала. Она за все годы супружеской жизни привыкла ко многому в беспокойной мужниной службе. Только не могла привыкнуть к тревогам и к ощущению опасности. Где-то сложилось полегче, где-то – потруднее, но мои родители всегда были вместе, оставаясь друг для друга источником энергии и сил. Они сумели сохранить в себе такой запас прочности, которым можно только восхищаться.

Родители многое не смогли понять и принять из нововведений и очень болезненно переживали развал Советского Союза, в сражениях за который умирали миллионы советских людей. Они – дети войны. Когда-то папа сутками не покидал цех оборонного завода, где главным было все для фронта, все для победы – родители не понаслышке знали о тяготах и лишениях Великой Отечественной. Нестерпимо больно было смотреть на них, а уж тем более смиряться с мыслью, что их жизнь, достойная подражания, – целая эпоха в истории ныне уже несуществующей страны...

Однако теперь судьба уготовила им пережить еще более ужасное испытание – непримиримую и беспощадную войну в Таджикистане, вновь испытать ужас от людского горя, страх от бомбежек, ощутить собственное бессилие перед происходящим. Убеленные сединами, отягощенные грузом прожитых лет, но не сломленные духом родители переживали не за себя, они боялись за самое дорогое в их жизни – за детей и внуков...

Обстановка в Душанбе с каждым днем лишь накалялась. Она будто слилась в долгий эпизод, вот только уложилась в коротенькую фразу: вчера уже нет, завтра может не наступить, есть только страшное сегодня. Столица была блокирована и с земли, и с воздуха: железная дорога на нескольких участках была разобрана, мосты заминированы, аэропорт не принимал и не выпускал самолеты. Мирное население находилось в полной экономической блокаде. Не хватало продовольствия.

Страшно вспомнить, что творилось в очередях за хлебом. Муки не было практически ни в одном доме. Ни света, ни газа, ни питьевой воды, ни отопления... Выручали свечи, керосин, дрова. Автоматчики в гражданской одежде в любое время суток досматривали проезжающий транспорт. Понять, кто эти люди, не представлялось возможным. Но каждый раз при встрече с ними хотелось втиснуться в сиденье.

С наступлением темноты в городе начинались разборки с применением оружия. И все это происходило на фоне того, что Министерство внутренних дел, Комитет национальной безопасности Таджикистана публично заявили о своем нейтралитете в разгоревшемся конфликте 1992 года.

Тогда в течение нескольких месяцев осуществляли режим комендантского часа в городе военнослужащие 201-й МСД. Командование дивизии оказывало всяческую поддержку русскоязычному населению: снабжало людей продуктами питания, товарами первой необходимости, даже помогало беременным женщинам добираться до роддомов. В городе не имелось практически никакого транспорта, все было разграблено, расхищено, уничтожено.

К великому сожалению, отток русскоязычного населения был предрешен. И это, в общем-то, закономерное и объяснимое явление. Оно обусловлено и озабоченностью за свою безопасность, и, конечно же, экономическими причинами. В частности, прекратили производственную деятельность промышленные предприятия, а без них люди не могли существовать. А ведь на рубеже 90-х годов в Таджикистане действовало 400 промышленных предприятий, на которых было занято около 215 тысяч рабочих, инженеров и служащих. На отрасли тяжелой промышленности приходилось около 40 процентов промышленного производства; легкой и пищевой – 60 процентов. Республика славилась и полезными ископаемыми, и своей добывающей промышленностью, и электроэнергетикой.

Однако братоубийственная война внесла свои коррективы. Во время нее против русского населения не было отмечено сколь-нибудь целенаправленных террористических акций и погромов. Однако жертв было немало. Спасаясь от войны, все, кто хотел и мог уехать на свою историческую родину, покинули Таджикистан. 850 тысяч человек оказались вынужденными переселенцами и беженцами.

Для того чтобы понять всю трагичность ситуации, достаточно одного лишь сравнения: столица республики была населена более чем на 4/5 русскими. На момент окончания войны в Душанбе из 500 тысяч русских и русскоязычных осталось где-то в пределах 50–60 тысяч человек.

Некогда цветущий всеми красками радуги край превратился в регион в огне и пламени. Краски музыки, любви и дружбы сменили черные цвета горя, боли и слез. Причем краски той жизни были другими, они не смешивались, были настоящими, неподдельными. И вся эта «палитра» – на фоне ярчайшего ультрамарина, в лучах теплого солнца. А наступившая реальность образно ассоциировалась с ковром из верблюжьей колючки. Стоило только дотронуться до этого ковра, как сразу выступала кровь из раны... Гражданская война для населения республики была горем, замешанным на крови. Не будь я очевидцем тех событий, поверить в происходящее было бы делом совершенно невероятным.

Александр Камуля

В 1992 году я был заместителем по боевой подготовке начальника заставы «Тугул». Весной в нашем Пянджском отряде сложилась совсем уж тяжелая обстановка с личным составом. Большая часть солдат-срочников демобилизовалась, а на смену им никого не прислали. На заставах не хватало людей для выполнения элементарных задач. На моей заставе «Тугул» вместо положенных по штату 50 человек имелось 26. До того момента была полная неопределенность с нашим статусом. Когда Советский Союз распался, оказалось, что мы служим в таджикских пограничных войсках. Тут же все офицеры начали писать рапорты на перевод – кто куда. Одни хотели уехать в Белоруссию, другие – в Казахстан, третьи – в Закавказье. Я, например, написал рапорт о переводе на Украину, но он так и не был удовлетворен.

Боевики таджикской оппозиции.
Фото Сергея Жукова ИТАР-ТАСС

Между тем в мае 1992 года в Душанбе начались волнения. По всей республике начали возникать незаконные вооруженные формирования разного политического толка, местные жители стали формировать комитеты самообороны. Одномоментно страна превратилось в лоскутное одеяло.

Пянджский район считался оплотом исламистов. Но на самом деле население там было достаточно пестрым. На глазах происходила радикализация населения посредством националистической и религиозной пропаганды. Убежден, что конфликт начался не в одночасье, он исподволь готовился не один год, сеялись противоречия между разными группами населения.

Первым делом осложнилась обстановка в районе заставы «Куплетик», участок которой частично находился на территории Пархарского района Кулябской области. Там курган-тюбинцы противостояли клану кулябцев. Началось с того, что боевики с обеих сторон выставили на границе областей свои посты численностью по 10–15 человек.

На границе некоторое время это никак не отражалось, хотя было очевидно, что в столице республики происходит что-то не то. Затем внезапно, буквально за одну ночь, во всех городах, кишлаках и поселках появились группы вооруженных людей. Словно по команде!

Тогда боевики не раз предлагали пограничникам «немного повоевать» за них. Ну или просто «постоять» на их блокпостах. Обещали платить по 15 000—20 000 рублей в сутки. Это равнялось сумме месячного денежного довольствия начальника заставы.

Через месяц подобные посты были уже в каждом кишлаке, даже самом незначительном. Меня эти бандиты сильно раздражали. Чаще всего мне приходилось иметь дело с бандитами, занимавшими кишлаки Пашор и Шакардашт недалеко от моей заставы. Когда они тормозили мой «уазик», я спрашивал:

- Вы кто такие?
- Мы народ. Делаем революцию.
- А я охраняю границу. Идите на хрен!

Перед въездом в населенный пункт боевики клали «змейкой» бороны зубцами вверх. Чтобы их объехать, водителю приходилось сбрасывать скорость. Когда мне на заставу придали на усиление БМП из состава мотоманевренной группы, то я с удовольствием стал переезжать эти заграждения из борон. Кроме того, для своих подчиненных выработал тактику, как действовать на этих бандитских постах: остановить машину метров за сто, высадиться из нее, изготиться к ведению огня в ближайшем укрытии, например в придорожной канаве, взять на прицел боевиков, распределив их по секторам ведения огня.

Достаточно быстро эти действия были доведены до автоматизма, бойцы без задержки, быстро покидали машину, изготавливались к бою. Затем я шел на переговоры со старшим поста. По моей «настойчивой просьбе» они отсоединили от автоматов магазины, отходили в сторону, и наша машина проезжала.

Поначалу такие действия производили впечатление – бандиты еще не были слишком наглыми. Несколько недель спустя они стали стрелять, как правило, вдогонку. То борт прострелят, то колесо. К счастью, долгое время обходилось без жертв, но застава оказалась словно в окружении. Чтобы добраться до отряда, предстояло проехать одиннадцать километров через пять бандитских кишлаков. Приходилось проявлять смекалку – ездить вдоль КСП. Это не всегда было удобно, но снижало риск нападения.

Первое время вооружение боевиков составляли охотничьи ружья, ножи, топоры. Но очень быстро у них появились стволы посерьезнее. Чаще всего они похищались у сотрудников местных силовых структур. Например, в городе Пяндже было ограблено местное РОВД. В один из дней весь личный состав управления смотрел сериал «Богатые тоже плачут», несказанно популярный в Таджикистане. Внезапно в здание ворвалась толпа вооруженных людей, которые загнали всех сотрудников, включая оперативного дежурного, в одну из комнат и заперли там. Затем вскрыли «оружейку», изъяли оттуда автоматы и пистолеты и стремглав покинули город. То же самое происходило по всей стране.

Именно тогда начались массовые нарушения границы. Большая часть нарушителей были контрабандистами. В Афганистан тащили запчасти к советской технике: тракторам, грузовикам и так далее. В той стране они являлись настоящим дефицитом. Мне и моим подчиненным не раз приходилось задерживать контрабандистов с подобным грузом. Бывало, идет местный житель с мешком. Задерживаем его, открываем мешок, а там два топливных насоса высокого давления для трактора «Белорус». В ходе допроса выясняется, что в Афганистане за один такой насос можно выменять более-менее приличный автомат и пару цинков патронов.

В Афганистане большим спросом пользовались алюминиевые чайные ложки. Столовые ложки или вилки не пользовались спросом, поскольку афганцы обычно едят руками. А вот чайные ложки шли на ура. У одного контрабандиста мы изъяли почти полмешка таких ложек.

Обратно, в Таджикистан, они чаще всего тащили какой-нибудь другой груз. Наркотики поначалу попадались крайне редко, как правило, один – два кило гашиша. В потоке контрабанды немалую долю составляли оружие и боеприпасы. Оружие обычно было низкого качества, с сильно изношенными стволами. При стрельбе оно «плевалось», пули летели не точно в цель.

Среди конфискованного оружия попадались самые неожиданные образцы: китайские и румынские автоматы Калашникова, пистолеты-пулеметы ПППШ, пулеметы Дегтярева, испанские пистолеты. Меня однажды очень впечатлила британская винтовка начала XX века, в просторечии «бур», прямо-таки раритет.

Поначалу нарушения происходили на участках застав «Средний Пяндж», «Шаартуз» (на самом правом фланге отряда). Однако очень быстро это явление охватило весь участок Пянджского отряда, поскольку в связи с эскалацией гражданской войны противостоящим группировкам нужно было все больше оружия. При этом нарушители прорывали границу сразу большими группами, буквально разрезая нити сигнализационной системы.

За ночь происходило по две-три сработки системы на разных участках заставы. Пока тревожная группа выдвигается на третий участок, срабатывает двенадцатый. Тревожным группам удавалось задерживать часть нарушителей, но анализ показал, что силами нарядов задерживается не более 12 процентов нарушителей. Стало очевидно, что в сложившихся условиях охранять границу традиционными методами мы не можем.

Я стал размышлять: если на сработки больше нельзя полагаться, то какую тактику пограничники могут противопоставить группам нарушителей? Появилась идея выставять на рубеж прикрытия границы наряды: засады, секреты. Причем не только на берег пограничной реки Пяндж, но и на острова. В советское время за выход на острова можно было получить серьезный нагоняй – поток в Пяндже бурный, может запросто унести, и такие случаи были, поэтому начальство требовало соблюдать меры безопасности и исключить выходы на острова. Но именно на островах можно было увидеть все, что происходит на речной поверхности, в то время как берег местами покрыт густыми зарослями трехметрового камыша, плотным кустарником, зарослями акации и облепихи.

Изучив местность, я выявил точки, где наиболее удобно пересекать реку, причаливать, выходить на берег: отмели, перекаты, заводи. Именно там и предполагалось размещать засады и секреты. Свои соображения я доложил начальнику пограничного отряда полковнику Рамилю Муллаянову и начальнику штаба подполковнику Михаилу Борисову. Те, оценив ситуацию, одобрили идею.

Вскоре первые наряды были выставлены на берегу и островах. И почти сразу же пошли первые результаты. Если прежде из-за камышей пограничники не видели передвижения контрабандистов, то теперь, напротив, наряды, спрятавшись в засаде, видели нарушителей, а те их – нет.

На руку сыграло и то, что удалось выявить систему разведки контрабандистов в отношении пограничников. Какой-нибудь пастушок шляется вдоль системы, следит за маршрутами движения нарядов. Или бача (мальчишка по-таджикски) подойдет к солдату на вышке: «Арбуз-сигареты надо?» – завяжет беседу и заодно узнает пару-тройку подробностей об организации службы. Старичок-бахчевник отмечает время движения дозоров... Главари контрабандистов полученную таким образом информацию накапливали, анализировали и выбирали наиболее безопасное место и время для прорыва. Когда наши наряды исчезли из их поля зрения на островах, эта система сломалась.

А еще мы начали совершенствовать систему маскировки охраны границы – стали особое внимание уделять введению противника в заблуждение относительно наших действий, используя для этого демонстрацию, имитацию и дезинформацию. Например, на участках, которые не являлись вероятным направлением движения нарушителей границы, наряды выставались с меньшей плотностью, но при этом такой пограничный наряд имитировал действия нескольких нарядов: пограничники в наряде передавали друг другу радиостанцию и имитировали ведение радиопереговоров нескольких пограничных нарядов разными голосами, «раскрывая» при этом свое расположение относительно выделяющихся на местности предметов; подобное сопровождалось якобы «случайным» нарушением мер маскировки этими нарядами: в одном месте – огонек сигареты, в другом – свет фонарика, еще где-то – освещение местности осветительным патроном... Со стороны складывалось впечатление, что целые толпы пограничников находятся на участке.

На тех же участках, где ожидалась попытка прорыва нарушителей, наоборот, стремились достичь полного сокрытия наших действий: это и молчание в радиоэфире – радиообмен только на запасных частотах с использованием сигнальных таблиц – сокрытие передвижения и расположения пограннарядов; доходило до того, что к месту несения службы пограничники по несколько сотен метров выдвигались по-пластунски. Конечно, в такие наряды назначались наиболее подготовленные пограничники.

Все это сочеталось еще и с дезинформацией и осуществлялось по единому плану начальника заставы. План маскировки стал как сценарий пьесы, которую пограничникам следовало убедительно «разыграть» на участке в течение суток, увязывая все действия по времени, месту и содержанию.

Следующим шагом стало ведение разведки в отношении боевиков, «вычисление» потенциальных нарушителей. Если они нас видят, значит, и мы можем их видеть! Первым делом я потребовал у подчиненных как следует вести журналы наблюдения:

– Поднялся на вышку, заметь основные объекты, запиши, кто и когда прошел мимо, что и когда произошло. Увидел пастушка с отарой – запиши. Старик ходит, якобы корову ищет – запиши. На той стороне кто-то поднялся на холм и ведет наблюдение – запиши... Особое внимание в ночное время. Кто-то мигнул фонариком, дал на афганской стороне очередь трассерами, зажег костер – тут же докладывайте обо всем на заставу. Это вполне могут быть условные сигналы нарушителям.

Вскоре я получил массу полезной информации. За сутки в журналах наблюдения заполнялось по 12–15 страниц, от секретов дежурные по заставе получали множество докладов. Каждый день около 11.00 дежурный по связи и сигнализации приносил мне все эти данные. Я начинал их изучать и анализировать, дифференцируя по времени и направлениям. В результате складывалась такая интересная событийная картина! Пришло яркое и четкое осознание, где и когда наиболее возможны нарушения. И план охраны границы на сутки составлялся на основе вот такой оценки обстановки. Противостояние бандформированиям стало осмысленным, напряженным и одновременно интересным...

Теперь статистика и анализ позволяли сосредотачивать в местах возможных переправ усиленные наряды, получать результат. К тому же ребята тогда служили толковые и ответственные, поняли, что к чему. Сами стали замечать все необычное, докладывать об этом мне. Например, как-то вышел на связь старший наряда, несшего службу на вышке в районе плато Халкояр, и на ломаном русском языке доложил:

– Товарищ капитан, я думаю, на моем участке в тылу скапливаются нарушители, готовятся к прорыву. Три человека стоят на обрыве, наблюдают за границей. Машут руками.

– Почему ты так думаешь?

– Здесь появился зеленый мотоцикл.

К тому времени было известно, что такой мотоцикл имелся у Мухтадо Джалолова. От вышки до нарушителей было километра три, поэтому нарушителям казалось, что их не видно, но пограничник в бинокль сумел рассмотреть эту важную деталь. Скрытно к месту предполагаемого прорыва выдвинулась тревожная группа и задержала нарушителей – это была одна из групп Мухтадо Джалолова.

Наихудшая ситуация сложилась на «Среднем Пяндже», где и вовсе оставалось 18 военнослужащих. Начальник отряда решил усилить ее, взяв с других застав по одному-два солдата. С моей заставы «Тугул» я отправил Владимира Переломова.

Переломов был из последнего советского призыва – осени 1991 года. В учебном центре он получил специальность «мастер по электросигнализационным приборам» и прибыл к нам на «Тугул». Когда я впервые увидел его, то первая мысль была: как этот человек вообще смог оказаться в пограничных войсках?! Прежде в пограничники отбор был не хуже, чем в ВДВ. Брали только самых крепких, сильных и толковых. А тут передо мной стоял низкорослый, тощий как скелет воин, весивший сорок восемь кило вместе с автоматом и сапогами. Казалось, его могло сдуть любым порывом ветра!

Такой воин – сам по себе еще и потенциальный объект неуставных взаимоотношений. Более крепкие сослуживцы так и норовили отвесить подзатыльник Переломову и дали ему саркастическое прозвище «Бурелом». Ко всему прочему с Владимиром постоянно возникали проблемы в дозорах и других нарядах. У него вечно были стертые ноги, он то и дело отставал,

опаздывал, чем раздражал сослуживцев. Тревожная группа бегом прибывает к месту нарушения – одного военнослужащего не хватает. Кого? Переломова! Где он? Отстал! Словом, не солдат, а ходячее ЧП! Поэтому когда встал вопрос – кого отправить на «Средний Пяндж», его фамилия прозвучала первой.

Застава «Средний Пяндж» отличалась одним из наиболее протяженных участков в отряде – 25 километров. Правый фланг, до КПП «Нижний Пяндж» – 10 километров, левый фланг – 15 километров. Ко всему прочему, большая часть участка представляла собой пустынное раскаленное на солнце плато без единого деревца. Нести службу там было настоящей мукой из-за жары, которая летом переваливала за сорок градусов в тени. Поскольку никакой тени не было, с 11.00 до 15.00 передвижения по открытой местности были запрещены – с целью избежать тепловых ударов.

Сложностей добавляла нехватка в отряде топлива для машин, из-за чего наряды несли службу в пешем порядке. Обычно дозоры выходили утром, пока не наступала жара. За четыре часа они добирались до вышки, с которой должны были вести наблюдение за участком. Там наряд принимал пищу в виде сухого пайка и приступал к несению службы. В 16.00 пограничники отправлялись обратно, на заставу. Получалось, за день туда-обратно они проходили 30 километров.

В один из майских дней Переломов в составе дозора отправился на левый фланг. И, возвращаясь на заставу под вечер, как обычно, сильно отстал от остальных. Расстояние между пограничниками в наряде, следующем по открытой местности, должно составлять не более 200 метров. Владимир отстал на полкилометра, и никто не придавал значения его отсутствию. Понятное дело: на обратном пути пограничники спешили поужинать, после чего им оставалось поспать четыре часа перед тем, как снова отправиться на службу.

За три километра до заставы пограничная тропа проходила среди высокого камыша, стеной обступившего ее с обеих сторон. В тот день там притаилась банда, стремившаяся прорваться из Афганистана в Таджикистан. Бандиты подождали, пока пройдет наряд, и трое из них подобралось к «системе». Они начали делать под ней подкоп, чтобы скрытно пролезть в сторону тыла. Но бандиты не учли, что мимо прошел не весь состав наряда, а сзади еще плетется изнемогающий от усталости Переломов.

Как позже вспоминал сам Владимир, когда он вышел из-за поворота, то увидел, как на КСП трое вооруженных бородачей роют землю. Расстояние до них было не более 25 метров. Не растерявшись, Переломов вскинул свой автомат:

– Стоять, руки вверх!

Бандиты не собирались сдаваться и попытались схватиться за оружие. Пограничник успел выстрелить первым. Короткой очередью положил одного, второго ранил в бедро. Третий прекратил сопротивление, упав на землю ничком и положив руки на голову. Подбежав к бандитам, Переломов отбросил их оружие и услышал шум в камышах у дороги... Времени на раздумья не оставалось, нужно было действовать быстро и решительно. Приказав бандитам лечь рядом, он использовал их как укрытие.

У Переломова в боекомплекте было 100 патронов. Он принялся размеренно, короткими очередями стрелять по зарослям, где слышалось подозрительное шуршание. Таким образом он хотел привлечь внимание сослуживцев и заодно отпугнуть тех, кто скрывался в камышах.

Ушедшие вперед пограничники из состава наряда, услышав позади себя стрельбу, правильно оценили обстановку. Подали сигнал «вооруженное вторжение» из сигнального пистолета, связались по радиостанции с заставой, сообщив о боестолкновении, и бросились на выручку. На заставе по тревоге была поднята тревожная группа во главе с начальником заставы старшим лейтенантом Игорем Цветковым, которая на машине выдвинулась к месту перестрелки.

Прибывшие на помощь увидели, как Переломов, спрятавшись за телами нарушителей, стреляет по камышам. Цветков спросил его:

– Зачем стреляешь?

– Там кто-то есть.

Приказав подчиненным изготавиться к бою, офицер громко крикнул в сторону тех, кто скрывался в зарослях:

– Сдавайтесь! Выходите по одному, с поднятыми руками!

Камыши зашевелились, и оттуда вышла целая банда – двенадцать человек! Все с оружием.

После этого Переломов в отряде стал настоящим героем. А я, проводя среди подчиненных профилактику неуставных взаимоотношений, всегда рассказывал эту историю и говорил: «Не смотрите, что кто-то слаб физически. Главное – сила духа!»

Схожая история вскоре произошла в мотоманевренной группе отряда. Был там такой сержант Муминов, казах по национальности. Служил в артдивизионе минометчиком. По-русски Муминов говорил с трудом, но был очень ответственным и толковым, поэтому в учебном центре его подготовили как сержанта.

После того как весной 1992 года накалилась обстановка, начальник отряда принял решение усилить заставы личным составом мангруппы. Муминова направили на «Средний Пяндж».

Границу охраняли укрупненными нарядами. Как правило, они состояли из отделения солдат мотоманевренной группы и офицера. Наряд выезжал на службу на бронетранспортере или автомобиле. На направлении вероятного движения нарушителей старший наряда через определенное расстояние, как правило, до 500 метров, выставлял секреты – по два человека. А сам вместе с БТРом размещался в точке, откуда было удобно наблюдать и прикрывать огнем подчиненных.

Один из таких нарядов возглавлял старший лейтенант Павел Нестерович. Выставив секреты, он спустя какое-то время отправился на их проверку. Тут обнаружилось, что в одной паре не хватает пограничника – того самого Муминова. Напарник доложил, что сержант отошел «по нужде». Подождав минут десять, Нестерович организовал поиск.

Внезапно метрах в двухстах на берегу реки раздалась интенсивная стрельба. Личный состав наряда бросился туда. Выйдя из камышей, пограничники увидели следующую картину: стоит сержант Муминов с автоматом наизготовку а возле его ног лежат шестеро боевиков, пытавшихся уйти в Афганистан. Кто-то из них был убит, кто-то ранен, кто-то просто сдался.

Победителей не судят, но офицер его все же отчитал:

– Муминов, ты почему оставил свой пост?!

– Виноват, командир!

Спустя короткое время ситуация повторилась. Муминов покинул свой пост и опять выследил и задержал группу нарушителей. А потом еще раз. Нестерович удивился и решил побеседовать с сержантом, как ему это удастся. Оказалось, что до призыва тот вместе с отцом работал чабаном, жил в кочевье, был следопытом, хорошо знал повадки зверей. И теперь навыки пригодились.

– Понимаете, – говорил Муминов, – когда я сижу в секрете, то понимаю, что тут никто не пойдет. А вот если отойти в сторону, то чувствую: здесь пойдут.

Обычно его задержания происходили однотипно. Выбрав место для засады, Муминов маскировался и ждал, как правило, недолго. Вот он замечает, что идут нарушители, например, со стороны тыла, начинают рыть подкоп. Все в напряжении, оружие наизготовку. Муминов наблюдает и ждет, чтобы не спровоцировать стрельбу. Когда контрабандисты пробираются через подкоп и направляются к берегу Пянджа, он следует за ними. Смотрит, как они накачивают автомобильные камеры для переправы, и снова ждет. Обычно нужно связать между собой три-четыре камеры, чтобы получился своего рода плот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.